

СВЯЩЕННЫЕ ПИСЬМЕНА МАЙЯ

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Антология

Священные письма майя

Серия «Александрийская библиотека»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55892514

Священные письма майя: [Антология] / [пер., вступ. ст., коммент.

Р. Кинжалова; пер., коммент. Ю. Кнорозова]. : Пальмира, Книга по

Требованию; СПб., Москва; 2018

ISBN 9785521002597

Аннотация

В антологию вошли литературные памятники, представляющие письменную традицию древних индейцев майя: знаменитый эпос народа кичэ «Пополь-Вух» и фольклорный текст «Рабиналь-ачи», сопровождавший танец воинов-майя. Дополняет книгу исторический очерк Диего де Ланда – о завоевании испанцами полуострова Юкатан и христианизации его коренного населения.

Содержание

Кецаль и Крест	6
1	7
2	9
3	12
4	16
5	19
6	23
7	26
8	28
9	31
10	34
11	36
12	38
Пополь-Вух[2]	40
Вступление	40
Часть I	43
Глава 1	43
Глава 2	46
Глава 3	53
Глава 4	56
Глава 5	57
Глава 6	59
Глава 7	64

Глава 8	69
Глава 9	72
Часть II	77
Глава 1	77
Глава 2	82
Глава 3	90
Глава 4	96
Глава 5	99
Глава 6	106
Глава 7	113
Глава 8	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Антология

Священные письма майя

© Кинжалов Р. В., наследники, вступ. статья, перевод на русский язык, комментарии, 2017

© Кнорозов Ю. В., наследники, перевод на русский язык, комментарии, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

Кецаль и Крест

Крест – символ христианства. У древних индейцев Мексики и Гватемалы птица кецаль с ее изумрудного цвета оперением была связана с представлениями об изобилии, воде и растительности, а затем и знатности. Кецаль не может жить в неволе. У индейцев он стал символом свободы.

Столкновение и взаимопроникновение двух культур, олицетворяемых этими символами, и породило современную латиноамериканскую культуру.

Но сперва – немного истории.

Первыми белыми, ступившими на берег Мексики, были участники разведывательной экспедиции Франсиско Эрнандеса де Кордовы. В 1517 году на мысе Коточе (полуостров Юкатан) они впервые встретились с индейцами майя. Испанцев удивила высокая культура аборигенов. Индейцы впервые познакомились с огнестрельным оружием.

На следующий год губернатор острова Куба выслал еще одну экспедицию. На этот раз ее участники достигли границ ацтекской империи. О странных пришельцах было доложено императору Монтекусоме в столицу империи, город каналов Теночтитлан. Тот приказал не трогать их, а лишь наблюдать.

Весной 1519 года с Кубы для завоевания новооткрытых земель отправляется большая военная экспедиция. Командовал ею 35-летний искатель приключений Эрнандо Кортес. В его распоряжении было 110 матросов, 553 солдата и 13 артиллеристов. Население одного только Теночтитлана составляло тогда несколько десятков тысяч мужчин, способных держать оружие.

Несмотря на это, уже через три месяца Кортес стоял под стенами ацтекской столицы. Его отряд преодолел труднопроходимые горы, неведомые болезни, губительный климат, сопротивление племен. Император Монтекусома, отважный воин и хитрый владыка, теряется и медлит. Испанцам разре-

шено вступить в город.

Дальнейшее известно. Кортес берет Монтекусому в заложники. Ацтекские жрецы демонстрируют пришельцам алтарь, на котором они приносят человеческие жертвы. (Один из конкистадоров позже вспоминал: «Смрад там стоял больше, чем на скотобойне унас в Кастилии».) Рядом с алтарем располагается здание, где хранятся черепа убитых – около 136 тысяч.

Испанцы возмущены увиденным. На башне главного храма Теночтитлана они строят часовню во имя Девы Марии Гваделупской. Когда ацтекские вельможи собираются неподалеку от часовни на праздник своих жестоких богов, конкистадоры атакуют безоружных индейцев и убивают их всех. В ответ столица восстает против пришельцев. В это же время с Кубы прибывает отряд, посланный, чтобы арестовать Кортеса за превышение полномочий. Однако, каждый раз лично ведя в бой свое немногочисленное войско, Кортес всюду выходит победителем.

Спустя два года после начала экспедиции последний независимый правитель ацтеков был пленен и позднее повешен. Империя перестала существовать.

Ко времени, когда Кортес впервые увидел храмы и пирамиды Теночтитлана, культура индейцев Центральной Америки насчитывала не менее трех с половиной тысячелетий истории.

Археологи утверждают, что еще до нашей эры здесь имелись циклопические дворцы и скульптуры, ритуальный календарь и иероглифическая письменность. У какого именно индейского народа впервые зародилась письменность, историкам неизвестно. Скорее всего, это был легендарный древний народ ольмеков.

В окончательном виде система индейской иероглифики сложилась у майя. Через определенные промежутки времени майяские жрецы воздвигали украшенные надписями каменные стелы. Самая древняя из открытых на сегодня стел датируется 36 годом нашей эры. В Европе в этом году правил римский император Тиберий, тот самый, при котором был распят Иисус Христос.

Письменность индейцев Центральной Мексики была пиктографической и идеографической: то есть понятие «взятие города», например, передавалось рисунком горящего храма, «путешествие» – цепочкой следов и так далее. Испанские хронисты в один голос говорят о многочисленных иероглифических рукописях индейцев. Существовали «библио-

теки» и залы, где рукописи читались вслух. Однако до нас дошло лишь около полутора десятков таких манускриптов. Известны также иероглифические надписи на глиняных сосудах и каменных стелах. Отнюдь не все из них сегодня расшифрованы.

Четыре сохранившиеся рукописи майя были расшифрованы отечественным исследователем Юрием Кнорозовым. Все они являются чем-то вроде требников индейских жрецов, пособиями по проведению ритуалов и гаданий. Вот, например, отрывок из древнейшей «Дрезденской рукописи»:

*13. Принимает жертву бог смерти
Маш, грозящий гибелью,
подстерегают беды.*

2 дня до IV числа.

*14. Принимает жертву бог-ягуар
Чак-Болай ныне при посещении,
питающийся семенами.*

3 дня до IX числа.

В этих же рукописях имеются тексты по астрономии и астрологии: таблицы движения Марса и Венеры, указания на потоки метеоритов и затмения.

В первые века нашей эры культура майя переживала расцвет. В городах Тикале и Санта-Роса-Штампаке строятся

пятиэтажные дворцы знати. В своих обсерваториях жрецы майя вычисляют продолжительность солнечного года с точностью, превосходящей тот календарь, которым сегодня пользуемся мы. Ими изучаются медицина, метеорология, география, история, сейсмология.

Однако к IX веку нашей эры все это осталось позади. Некогда цветущие города майя пустеют, становясь местами пышных захоронений.

Приблизительно полтора тысячелетия назад Центральная Америка переживает свое «Великое переселение народов». Северные дикари-кочевники просачиваются к югу и постепенно сметают древние очаги культуры. Старое жречество исчезает, а вместе с ним исчезают точный календарь и сложная система научных знаний. Жизнь упрощается и милитаризируется. Всю полноту власти захватывают военные вожди и объединения прославленных воинов.

Пришельцы приносят с собой новые кровавые культы и ритуалы. Появляются культово-военные союзы. Один из них был связан с божествами ночи, его участники носили костюмы ягуаров. Другой был посвящен Солнцу, его участники появлялись в обличье орла.

Именно в этот период возникает идея о необходимости поддерживать жизнь богов человеческой кровью. Особенно важно было кормление бога Солнца. Без человеческих жертв он не мог бы совершать каждодневный путь по небу. В связи с этим возрастает роль воинов, добытчиков пленных – источника пищи для божеств.

Еще от древних майя дошли рельефы, изображающие ритуальные кровопускания владык. Однако теперь важной признается не только кровь правителей, но и вообще человеческая кровь. Так, например, во время солнечных затмений

сапотеки приносили в жертву карликов, считавшихся детьми Солнца.

Вся скульптура этого периода была связана с культом человеческих жертвоприношений. Гигантская, украшенная рельефами стела, широко известная сегодня как «Камень Солнца», на деле являлась «темалакатлем» – жертвенником, на котором разыгрывалось ритуальное убийство безоружного пленника воинами-орлами.

Даже бытовые на первый взгляд предметы имели культовое назначение. Каменный сосуд в виде лежащего ягуара был предназначен отнюдь не для воды, а для хранения сердец принесенных в жертву людей. На его дне, невидимом человеческому оку, но открытом божествам преисподней, был помещен рельеф, изображающий владык Кецалькоатля и Тескатлипоку в момент сотворения ими существующей Вселенной.

Около полутора веков назад в мексиканском селении Цит-бальче была обнаружена рукопись некоего Ах-Бама, потомка майяского чиновника. Сборник носит название «Книга танцев древних людей, которые исполнялись здесь, в селениях, до прихода белых». В конце заглавия указывается, что составлена она была в 1440 году, то есть почти за столетие до появления на Юкатане белых.

Песня, открывающая сборник, посвящена обряду «школомче». Сперва описываются стройные ряды сильных юношей, вступающих на центральную площадь, чтобы показать

свою ловкость и искусство в стрельбе. Посередине площади находится каменная колонна, к которой привязан мужчина. Тело его раскрашено синей краской – цвет жертвы. Он весь засыпан благоухающими цветами.

Следующий куплет обращен к связанной жертве:

*Смягчи свою душу, прекрасный муж, ты
отправляешься на небо, чтобы увидеть лицо твоего
отца (бога Солнца). Тебе не надо возвращаться сюда,
на Землю, в обличье маленького колибри или прекрасного
оленья, ягуара или фазаненка. Обрати душу и мысли
исключительно к своему отцу. Не бойся, нет плохого в
том, что тебя ожидает!*

В следующем куплете описывается прибытие на площадь должностных лиц селения. Затем следует новое обращение к пленнику:

*Смейся, хорошенько смягчи свою душу, потому что
ты будешь тем, кто принесет голос твоих земляков
нашему Прекрасному Владыке, находящемуся там, на
небе!..*

На этом песня обрывается. Однако в том же сборнике находится «Песня стрелка из лука», являющаяся, очевидно, продолжением обряда «школомче».

Обряд состоял в том, что танцующие по кругу вокруг жертвы стрелки стреляли в нее. Задачей являлось убить пленника как можно медленнее и мучительнее, ибо капающая с его тела кровь оплодотворяет землю.

«Песня стрелка» начинается с обращения к опытному охотнику, с приглашения принять участие в охоте. Голова охотника высоко поднята, его глаз меток, наконечник стрелы остр, тетива хорошо натянута, перья на древке тщательно приклеены смолой «кадим». Мускулы рук и ног, колени, ребра, плечи и грудь охотника блестят от жира оленя-самца, которым он тщательно натерся, собираясь на охоту.

Само жертвоприношение описывается в форме советов стрелку:

Соверши три быстрых пробега вокруг каменной колонны, той самой, к которой привязан человек. Сделай первый круг не стреляя, во втором схвати свой лук, наложи стрелу и прицелься ему в грудь. Не следует вкладывать всю силу, чтобы сразу поразить его, не нужно наносить ему глубоких ран. Надо, чтобы он страдал медленно и понемногу, потому что так пожелал Прекрасный Владыка.

На следующем круге, который ты будешь делать вокруг этой голубой каменной колонны, на следующем круге пусти стрелу второй раз. Это ты должен совершить, не переставая танцевать, потому что именно так делают хорошие воины-щитоносцы, которые выбираются, чтобы порадовать нашего молодого Владыку-бога.

Древние города майя пали почти одновременно с Римом, разрушенным вандалами. И так же, как варвары Старого Света, новые обитатели Центральной Америки принялись строить свои племенные союзы и «варварские королевства» на руинах древних очагов цивилизации.

Первым свое государство строят тольтеки. Это было время-образец, эпоха, когда свои подвиги совершали непобедимые воители древних времен. Империя тольтеков объединяет земли от северной Мексики до Гватемалы. Их столица, город Толлан, навсегда входит в эпос и мифы центральноамериканских племен. Именно к эпохе легендарных тольтекских завоевателей относится время жизни прародителей народа киче, о которых рассказывает эпос «Пополь-Вух».

Одновременно с прославленными европейскими монархами, вроде Карла Великого или Владимира Красное Солнышко, творит свои славные деяния и легендарный правитель тольтеков Кецалькоатль. Так же, как и они, Кецалькоатль со временем приобретает черты почти полубога.

Вот как ацтекская «Летопись Куаутитлана» рассказывает о его рождении:

*В год Один тростник,
Так говорят, так рассказывают:*

*В этом году родился Кецалькоатль,
Тот, кто именовался «Нашим Владыкой»,
«Жрецом», «Одним тростником», Кецалькоатлем.
Говорят, что его мать
Именовали Чимальман.
И вот, что рассказывают о том,
Как Кецалькоатль был помещен
В чрево своей матери:
Она проглотила драгоценный камень...
И зачала сына.
Он родился в год Один тростник.
Прошли года: Два кремень,
Три дом, Четыре кролик,
Пять тростник, Шесть кремень,
Семь дом, Восемь кролик.
В год Девять тростник
Кецалькоатль спросил о своем отце.
Ему уже было девять лет
Он уже достиг возраста понимания.
Он сказал:
«Я хочу знать своего отца,
Я хочу знать его лицо!»
Они ответили ему:
«Он умер. Его похоронили далеко».
Кецалькоатль отправился немедленно
Раскапывать землю.
Он искал кости своего отца...*

Впрочем, вскоре империя тольтеков дробится. На ее об-

ломках на Центральном плато возникают царства аколуга и тепанеков. К XII веку раздробленность достигает пика. Еще сто лет спустя, когда Русь страдала от нашествия орд монголов, в Мексике появляются ацтеки.

Легенды утверждают, что прародиной ацтеков была местность Чикомосток – «Семь Пещер». На фоне других народов Мексики ацтеки были почти дикарями – бродячими охотниками и сезонными земледельцами. Попав в долину Мехико, они долгое время находились в подчинении у тепанекских правителей из города Аскапоцалько.

В 1325 году ацтеки поселились на островке у западного берега озера Тескоко. Там они основали свою столицу Теночтитлан. Из-за религиозных споров часть ацтеков вскоре отделилась. Ими был основан город-близнец Теночтитлана, Тлальтелолько.

Правители царств долины Мехико постоянно враждовали между собой. Ацтеки использовали эти распри в своих интересах. В 1428 году тройственный союз владык из городов Теночтитлан, Тескоко и Тлакопанан нанес сокрушающее поражение тепанекам и подчинил себе долину Мехико.

Постепенно ацтеки расширяли границы своей империи. Большая часть дани поступала в их столицу, два других города – члена союза год от года теряли свое значение.

Накануне появления в Мексике испанцев культура ацтеков переживала расцвет. Ацтеки интересовались своим прошлым и гордились им. Индейский историк Альварадо Тесосомок писал в своей «Мексиканской хронике»:

*И вот так они (предки) решили сообщить это,
И вот так они решили запечатлеть это в своем
рассказе,
И для нас они рисовали это в своих рукописях,
Мужчины древности, женщины древности.
Они были нашими дедами, нашими бабками,
Нашими прадедами, нашими прабабками,
Нашими прапрадедами, нашими предками.
Их сообщения повторялись снова и снова.
Они оставили их для нас,
Они завещали их навсегда
Нам, живущим теперь,
Нам, которые произойдут от них.
Никогда не будет потеряно,
Никогда не будет забыто
То, что они совершили,
То, что они решили запечатлеть в своих картинах:
Их славу, их историю, их память.
И вот в будущем
Это никогда не погибнет,
Никогда не будет забыто!
Мы всегда будем хранить это как сокровенное,
Мы, их дети, их внуки,
Их братья, их правнуки,
Их праправнуки, их потомки,
Те, кто унаследовал их кровь и их цвет кожи.
Мы будем рассказывать это,
Мы передадим все это тем, кто еще не живет,*

*Тем, кто еще только должен родиться —
Детям мексиканцев, детям теночков.*

Ацтеки высоко ценили поэзию. В одной из дошедших до нас поэм описывается разговор мудрецов, за чашкой взбитого шоколада и курением табака обсуждающих значение искусства. Один из участников дискуссии сравнивает поэзию с галлюциногенными грибами. Тот, кто пьет на пиру настой таких грибов, видит многоцветный мир, более реальный, чем действительная жизнь.

При дворе императоров имелась должность «тлапискацицин» – «хранитель», задачей которого было тщательное обучение писцов имеющимся песням и проверка их новых сочинений. Во дворцах знати возводились специальные залы «куикалли», где происходили состязания в песнях. Известен случай, когда приговоренный к смерти зять одного из владык заслужил прощение песней, сочиненной в момент совершения казни.

Основными темами индейской поэзии были дружба и удовольствие от беседы между друзьями, размышления о краткости жизни и тайне смерти, военные подвиги и любовь к семье. Встречаются и чисто эротические произведения. Впрочем, ацтекские представления о непристойности сильно отличались от современных.

Одним из наиболее известных индейских поэтов и философов был правитель города Тескоко Несауалкойотль (1402–

1472). Он был храбрым воином, удачливым полководцем, тонким дипломатом, талантливым инженером: по его плану была выстроена плотина, защищавшая Теночтитлан от опустошительных наводнений. Несауалкойотль попытался отказаться от человеческих жертвоприношений и ввести возвышенную религию Творца мира Ипальнемоани. В одной из своих поэм он писал:

*Я, Несауалкойотль, спрашиваю:
Разве не так мы живем на земле?
Не вечны мы на земле и все неечно!
Вот нефрит, но и он разламывается,
И золото разрушается,
И перья кецаля рвутся!
Не вечны мы на земле, и все неечно!
Постоянно лишь цветущее дерево дружбы...*

Наибольших размеров ацтекская империя достигла в правление Ауисотля (1486–1502). Его войска совершали походы от Атлантики до Тихого океана. В своей столице Ауисотль выстроил гигантское святилище кровожадному богу Уицилопочтли. При освящении нового храма было зарезано 80 000 пленных. До сих пор, говоря о чьей-либо жестокости, мексиканцы восклицают «*ЎQueahuizote!*» («Свирепый, как Ауисотль!»).

Преемником Ауисотля стал император Монтекусума Шокойцин – Монтесума II испанских хроник. Сам ли он умер в плену у Кортеса или был убит, историкам неизвестно.

Последний ацтекский властелин был пленен 13 августа 1521 года. Неизвестный индейский поэт так описывал осаду Теночтитлана испанцами:

*Все это произошло с нами,
Мы видели это,
Мы это почувствовали!
Мы встретились с этой
Печальной и горькой судьбой!
Лежат на дорогах сломанные дротики,
Растрепаны наши волосы,
Дома наши лишились крыш,
И красны от крови их стены!*

*По улицам и площадям Теночтитлана
Ползают омерзительные черви,
А на стенах его разбрызганы мозги.
Воды красны, словно окрашены,
А когда мы пьем эту воду,
Мы чувствуем соленый вкус крови...*

После ацтеков настала очередь индейцев майя. Соратник Кортеса Педро Альварадо завоевал Гватемалу, Сальвадор и Гондурас. Большую часть Гватемалы занимало тогда государство индейцев-киче. Помимо него в этих краях существовали государства индейцев мам, какчикелей, цутухилей, покомамов, кекчи и покончи. Все они принадлежали к большой лингвистической семье майя.

Завоевание народов майя было завершено конкистадором Франсиско де Монтехо. В 1527–1544 годах он подчинил испанскому королю жителей полуострова Юкатан, который был уже окружен испанскими колониями.

Первые годы после Конкисты культура индейцев переживала даже определенный расцвет. Завоевав Центральную Америку, испанцы оставили земли, принадлежавшие индейским князьям, в ведении потомков этих владык. Сами завоеватели охотно вступали в брак со знатными индейскими девушками. По распоряжению Папы Адриана VI в Мексику, чтобы крестить, просвещать и лечить индейцев, отправились двенадцать монахов-францисканцев – по числу апостолов.

Монахи всерьез интересовались древней индейской куль-

турой и собирали «индейские книги». Постановление церковного совета гласило, что миссионер, не знающий языка паствы, должен отстраняться от должности. Очень быстро было составлено огромное количество словарей различных индейских наречий. Уже в 1539 году в Мексике начали печатать книги, переведенные на индейские языки. Первой такой книгой стал «Катехизис».

С приходом испанцев в Центральной Америке впервые появились больницы и школы европейского типа. В 1536 году монахи открыли в Мехико учебное заведение – Коллегию Санта-Крус де Тлальтелолько. Там должны были получать образование индейские юноши. Выпускники свободно владели не только испанским, но и латынью. Уже через десять лет монахи полностью передали процесс обучения своим питомцам. За это время индейцы, получившие превосходное европейское образование, записали сотни поэм, исторических хроник и древних мифов.

В 1854 году австрийский ученый Карл Шерцер отправился в путешествие по странам Центральной Америки. Он планировал изучать старинные испанские рукописи. В библиотеке гватемальского университета Сан-Карлос его заинтересовали труды монаха-доминиканца Франсиско Хименеса.

Хименес был настоятелем церквушки в гватемальском городке Санто-Томас-Чувила, иначе называвшегося Чичикастенанго. Много лет он прожил среди индейцев и в своих трудах сообщал интересные сведения об их истории, культуре и языках.

Одна из рукописей Хименеса особенно заинтересовала Шерцера. Ее содержанием были словари языков индейцев киче, какчикелей и цутухилей. На нескольких побледневших от времени листах в конце содержалось некое сочинение, рассказывавшее о происхождении и истории киче. Хименес перевел этот труд на испанский, а Шерцер скопировал текст перевода и спустя несколько лет опубликовал его в Вене. Так европейцы впервые познакомились с текстом «Пополь-Вух» – «Книги народа», – которую очень скоро стали называть «Библией Центральной Америки».

В 1855-м, то есть спустя год после Шерцера, французский миссионер и страстный исследователь индейских древностей Шарль Этьен Брассёр де Бурбур, находясь в небольшом гва-

темальском местечке Рабиналь, приобрел у одного из местных индейских аристократов рукопись Хименеса. Каким образом всего за год этот манускрипт покинул университетскую библиотеку и оказался в Рабинале – неизвестно до сих пор.

Для изучения истории Центральной Америки Брассёр (1814–1874) совершил то же, что для изучения истории Старого Света сделал дешифратор египетских иероглифов Шампольон. В молодости Брассёр работал журналистом в парижских газетах. Подражая Вальтеру Скотту, он опубликовал несколько исторических романов. Романтик – до конца дней он верил в существование Атлантиды – Брассёр принял церковный сан, чтобы иметь шанс работать в горячо любимой им Центральной Америке.

Именно Брассёру де Бурбуру европейцы обязаны открытием таких памятников, как «Пополь-Вух», «Рабиналь-ачи», «Летопись какчикелей», «Кодекс Троано», «Родословная владык Тотоникапана», и многих других. Вернувшись в Европу в 1860-х годах, Брассёр опубликовал свой перевод «Пополь-Вух» на французский язык. С этого года можно начинать историю научного изучения этой книги.

Что мы знаем об эпических поэмах, созданных в доколумбовой Центральной Америке? На самом деле – очень немного.

Известно, что у ацтеков популярностью пользовался огромный эпос о Кецалькоатле. Вместе с братом Тескатлипокой «пернатый змей» Кецалькоатль создал мир, разодрав на части чудовище Тлальтекутли. В новорожденном мире Тескатлипока стал первым солнцем, но по прошествии 676 лет (тринадцати 52-летних циклов) Кецалькоатль превратился в ягуара, сшиб его лапой и стал вторым солнцем. Предыдущее поколение людей-гигантов было истреблено.

По истечении следующего цикла мир был уничтожен ураганом. Солнцем стало водное божество Тлалок, люди были превращены в обезьян. Четвертая эпоха развития Вселенной, когда солнцем была богиня Чальчиуитликуэ, завершилась потопом, а люди превратились в рыб. Современная, пятая эпоха также должна завершиться страшными катаклизмами. По этой причине окончание каждого 52-летнего цикла должно отмечаться особенно пышными и кровавыми жертвоприношениями.

Владыкой следующей эпохи вновь станет Кецалькоатль. Редко вспоминают о том, что Кортес прибыл в Мексику с востока, откуда должен был явиться Кецалькоатль. Монте-

кусома выслал Кортесу два костюма: Кецалькоатля и Тескатлипоки. Тот должен был надеть один из них и тем дать понять: наступил ли момент смены эпох. Кортес отказался надевать костюмы и оставил вопрос нерешенным. Скорее всего, именно этим объясняется нерешительность энергичного императора и храброго воина Монтекусома.

Одним из основных эпизодов эпоса о Кецалькоатле был рассказ о его жизни в райском городе Толлане:

Тыквы там огромные, длинной в локоть, початки кукурузы величиной с камень зернотерки, а по листьям амаранта можно вскарабкаться, как по ветвям пальм. Хлопок вырастает в Толлане уже окрашенный в разные цвета: красный, желтый, розовый, зеленый, синий, малиновый, голубой, оранжевый, коричневый и темно-золотой. Всюду растут деревья какао и цветочного какао. Там множество прекрасных птиц с блестящим разноцветным оперением и все они поют, как горные соловьи. Поэтому тольтеки не знали ни голода, ни жажды, у них не было ни бедности, ни горя...

Правители империи тольтеков (XI-XII вв.) именовали Толланом свою столицу. Себя они считали воплощением Кецалькоатля. Этот факт привел к тому, что некоторые историки считают сказания о Толлане чисто историческим сочинением, а другие, наоборот, толкуют их как чисто мифологические. Скорее всего, истина лежит посередине. У нас в Европе, например, существует «Илиада», рассказывающая о вполне реальной Троянской войне, однако строить по этой

поэме историю династии Пелопидов было бы вряд ли разумно.

Мы почти ничего не знаем об эпических поэмах народностей майя. Тем не менее некогда они, конечно, существовали. Так, например, если бы скромный викарий из Куилапы не записал в свое время текст, мы бы никогда не узнали об обширном и интересном эпосе миштеков. Более того, и запись викария пропала бы, если бы монах Грегорио Гарсиа не включил бы ее в 1607 году в свое сочинение «О происхождении индейцев Нового Мира и восточных Индий».

Гарсиа писал:

*Индейцы рассказывают, что
В год и день
Мрака и абсолютной темноты
Перед тем, как появились
И дни, и годы,
Когда мир был погружен
В глубокий мрак,
Когда все было хаосом и беспорядком,
Земля была покрыта водой.
И были только ил и грязь
На поверхности земли.
В это время
Появился и стал видим*

*Бог по имени «Один олень»,
А прозвище – «Змея пумы»,
И богиня, очень красивая и прелестная,
Имя которой
Было тоже «Один олень»,
А прозвище – «Змея ягуара».
И говорят, что эти боги
Были началом всех остальных богов...*

Любопытно отметить, что описание мира до начала творения у миштеков почти буквально совпадает не только с вавилонскими поэмами или скандинавской «Эддой», но и с библейской Книгой Бытия.

Эпос юкатанских майя почти не сохранился. До нас дошло лишь несколько отрывков: «Борьба богов», «Создание виналя»... Очевидно, он был менее интересен, нежели ацтекский. Язык дошедших фрагментов нарочито туманен, усложнен, изобилует намеками на известное лишь посвященным.

Вот как излагается миф о борьбе богов Тринадцати небес «Ошлахун-Ти-Ку» с богами подземного мира «Болон-Ти-Ку»:

*Тогда спустилось пламя,
Тогда спустился канат,
Тогда спустились камни и палки.
Тогда началось избиение камнями и палками.
Тогда были захвачены боги Ошлахун-Ти-Ку.*

*Были пробиты их головы,
Были избиты их лица,
Они были искалечены
И опрокинуты на спину.
Тогда они были лишены скипетра
и черной краски на лице¹...*

В противоположность бледным эпическим поэмам юкатанских майя один из народов горной Гватемалы сохранил нам памятник, ставший гордостью мировой литературы. Речь идет об эпосе киче «Пополь-Вух».

¹ Перевод Ю. Кнорозова.

Монах-доминиканец Франсиско Хименес, первым открывший «Пополь-Вух» в начале XVIII века, писал:

Эта рукопись хранится у них (индейцев Чичекастенанго) с такой секретностью, что никто из других священников и не знал о ней. Я обнаружил, что это сочинение они впитывали чуть ли не с молоком матери и что все они знали его почти что наизусть...

Первые исследователи «Пополь-Вух» сразу же столкнулись со множеством загадок. Прежде всего – когда и кем была написана эта книга? Дошедший до нас текст был записан в Санта-Крус-Киче около 1550–1555 годов. Знатный индеец дон Хуан Кортес упоминается в тексте как живой, историкам же известно, что он умер около 1558 года. Если сравнить «Пополь-Вух» с дошедшими до нас индейскими «Родословными», то становится ясно, что его составитель принадлежал к правившему у киче клану Кавек: история киче излагается в книге именно с позиций этого клана.

Проблема заключается в том, что автор «Пополь-Вух» постоянно упоминает, что его текст основан на древней иероглифической рукописи. Впрочем, он говорит о ней как о давно «потерянной». Это слово может быть переведенно также как «разрушенная» или «забытая». С упоминания об этой древней таинственной рукописи начинается «Пополь-Вух»,

и им же книга заканчивается.

Испанские хронисты Эррера-и-Тордесилья и Сорита уверяют, что перед испанским завоеванием в столице киче Кумаркаахе имелись иероглифические рукописи, посвященные древней истории. Возможно, автор «Пополь-Вух» имеет в виду именно одну из них. Сомнительно, чтобы сам он держал ее в руках. Скорее всего, решив сохранить предания киче для будущих поколений, он составлял свой текст по рассказам старейшин или жрецов.

Другая загадка состоит в том, что в дошедших от майя памятниках изобразительного искусства историки не могут увидеть прямых параллелей с текстом «Пополь-Вух». Означает ли это, что древние художники и скульпторы майя были незнакомы с этой книгой?

Впрочем, американский археолог Майкл Ко и некоторые его коллеги, наоборот, уверены, что вся роспись керамических сосудов майя – это иллюстрация к эпизодам, в которых герои «Пополь-Вух» путешествуют по загробному миру. Более того, он считает, что все они в совокупности составляли собой что-то вроде индейской «Книги мертвых».

Еще одним распространенным у индейцев жанром была драма. Испанцы часто упоминают о драматических представлениях, бытовавших у майя. Однако до нас дошла лишь одна драма – «Рабиналь-ачи» («Воин из Рабиналя»). Как и «Пополь-Вух», она написана на языке киче.

Сюжет ее может показаться современному читателю скучноватым. Между княжествами Кунен и Рабиналь существует давняя вражда. В схватке, должной разрешить конфликт, сходятся воин Кече-ачи и сын правителя Рабиналя, Рабиналь-ачи. Последний одерживает победу и берет противника в плен. Слушатель вводится непосредственно в центральный момент действия, а события излагаются лишь в речах действующих лиц. Заканчивается драма тем, что «воины-орлы» и «воины-ягуары» приносят плененного Кече-ачи в жертву и пляшут торжественный танец над его телом.

Текст драмы сохранился чудом и обнаружен был достаточно случайно. В октябре 1850 года житель селения Рабиналь, индеец Бартоло Сис записал его на языке киче. Спустя несколько лет в селение прибыл уже упоминавшийся Брас-сёр де Бурбур. Он скопировал рукопись Сиса, а в январе 1856 года жители Рабиналя исполнили перед ним «Рабиналь-ачи».

Драма была записана лишь полтора столетия назад. Одна-

ко создана она была, безусловно, еще до Колумба. В 1930-х годах немецкий исследователь Ф. Тернер поинтересовался у одного из индейцев, почему они больше не исполняют «Рабинальчи». Тот ответил, что община воздерживается от этого, так как после каждого исполнения один из танцоров должен умереть. Скорее всего, в доиспанское время исполнителя роли Кече-ачи действительно приносили в жертву. Это подтверждают и документы инквизиции из этих районов Гватемалы.

Со времени Конкисты прошло уже почти полтысячелетия. На вершине циклопического храма Кецалькоатля в Чолуле давным-давно построена испанская католическая церковь. Тем не менее говорить о том, что культура индейцев Центральной Америки стала лишь объектом скучных академических штудий, было бы опрометчиво.

«Пополь-Вух» сегодня – национальное достояние гватемальцев. Его изучают в школах, хранят на любимых книжных полках. Образы, заимствованные из старинного эпоса, частенько обозначают реалии сегодняшнего дня. Под чудовищем Вукуб-Какишем обычно имеют в виду коррумпированное правительство военных, под преисподней Шибальбой – армию, выжигающую лесные селения индейцев.

В 1955 году, на фестивале искусства и культуры в Антигуа, инсценировали «Рабиналь-ачи». Руководил постановкой пятидесятилетний индеец Эстебан Шолоп-Сукуп, родом из Рабиналя. В течение месяца до и после представления все участники драмы должны были воздерживаться от общения с женщинами, а в последние двадцать дней перед представлением был совершен ряд ритуалов. Помимо молитв в церкви, были проведены подношения свечей, хлеба, какао, фруктов, агуардъенте и воскуриваний духу гор и пяти вершинам, упоминаемым в тексте.

Конкиста была не концом эпохи, а моментом встречи двух совершенно различных культур. В сегодняшнем Мехико туристам показывают «Площадь трех культур». В ней на разных уровнях расположены раскопанная ацтекская пирамида, церковь колониального периода и современный небоскреб. А посреди площади помещена бронзовая плакетка.

На ней можно прочесть:

13 августа 1521 года Тлальтелолько, героически защищаемый Куатемоком, попал под власть Эрнана Кортеса. Это была не победа и не поражение. Это было мучительное рождение метисного народа.

Того, что сегодня зовется Мексикой.

Р. В. Кинжалов

Пополь-Вух² (Книга народа)

Вступление

Вот начало старинных преданий о тех, кто в этой местности носит имя киче³. Здесь мы все напишем. Мы начнем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено в городе киче племенами народа киче.

Здесь также мы откроем и сообщим то, что было раньше скрыто; изложим, как это было освещено Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, как они именуются. Здесь будет рассказано о Хун-Ахпу-Вуч, о Хун-Ахпу-Утиу⁴, о Саки-Нима-Циис⁵, о Тепеу, о Кукумаце⁶, о Серд-

² Перевод и примечания Р. В. Кинжалова.

³ Центральные области Гватемалы, занятые киче в XV в., очевидно назывались «Киче», т. е. «Страна, покрытая лесами». Вероятно, киче, наиболее могущественный народ в этот период на территории Гватемалы, и получил свое имя от этого названия. Ацтекское слово Quauhtemallan (откуда и происходит современное название страны – Гватемала) является простой калькой майяского слова «кичелах».

⁴ Слово «хун-ахпу» имеет в языке киче много значений: охотник из выдувной трубки, вождь, владыка. Очевидно, здесь имеется в виду солнечное божество. В «Пополь-Вух» оно расщеплено на две ипостаси: Хун-Ахпу-Вуч («Хун-Ахпу – сумчатая крыса») – божество женское, а Хун-Ахпу-Утиу («Хун-Ахпу-койот») –

це озера, о Сердце моря, о Владыке Зеленого Блюда и Владыке Зеленой Чаши, как зовутся они⁷. Здесь будет также возвещено и рассказано о Прародительнице и Прародителе, чьи имена – Шпийакок и Шмукане, защитниках и хранителях, дважды почтенной Прародительнице и дважды почтенном Прародителе, как именуются они в сказаниях киче⁸. Там рассказывается все, что они совершили в свете существования, в свете истории.

Мы пишем теперь это уже при Законе Божиим и при христианстве. Мы излагаем это потому, что у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света, пришедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга, написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает. Величественным было ее по-

божество мужское.

⁵ Женское божество «Великий Белый Коати». Весьма вероятно, что это не имя, а эпитет одной из упомянутых выше божественных пар.

⁶ Тепеу и Кукумац – «Завоевательница, Могушественная» и «Змея, покрытая зелеными перьями». Супружеская пара божеств, возглавлявшая пантеон киче. Название «Змея, покрытая зелеными перьями» ведет к божеству тольтеков Кецалькоатлю, имя которого имеет то же значение.

⁷ «Сердце озера», «Сердце моря», «Владыка Зеленого Блюда» (или «Владыка Земли») и «Владыка Зеленой Чаши (тыквы)» (или «Владыка Неба») – все это эпитеты верховного божества киче Хуракана.

⁸ Буквально «Старец» и «Старица» – по всей вероятности, перенесенные в пантеон киче тольтекские божества Сппактонатль и Ошомоко, родители бога Кецалькоатля. По мифам народов Центральной Мексики, они были изобретателями астрологии и календаря.

явление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли; как были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки; как она была расчленена и как было разделено небо; и была доставлена веревка для измерения и натянута в небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках, как это было названо Создательницей и Творцом, Матерью и Отцом жизни и всех сотворенных вещей, теми, кто создал дыхание и создал мысль, теми, кто дает рождение детям, теми, кто бодрствует над счастьем народа, детьми света, сыновьями света, теми заботливыми мыслителями, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море.

Часть I

Глава 1

Это рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто.

Это первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться, или дрожать, или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование; были только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи, была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец, находились в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голу-

быми перьями, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес – таково имя бога, и так он назывался.

Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещааясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй – Чипи-Какулха. Третий – Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес⁹.

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сдела-

⁹ Общая для всех ипостасей часть имени – Какулха – значит «блеск молнии»; следовательно, перед нами бог-громовник. Это значение подчеркивается и эпитетом его как «Сердца небес». Слово «хуракан» означает буквально «одноногий», что напоминает ацтекское божество Тескатлипоку, изображавшееся таким же образом. Интересно отметить, что во время испанского завоевания бог бури на Антильских островах назывался Хураканом. Отсюда это слово вошло в испанский, а затем и в другие европейские языки для обозначения бури, урагана. Таким образом, русское слово «ураган» восходит в конечном счете к языку киче.

но, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об их пище и пропитании.

– Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, – так говорили они. – Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! – Так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. «Земля!» – воскликнули они, и немедленно она была сотворена.

Подобна туману, подобна облаку и подобна облаку пыли была земля при своем сотворении, в начале своей телесности. Затем горы появились из воды; большие горы выросли мгновенно.

Только чудом, только магическим искусством были образованы горы и долины; и немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли.

И тогда Кукумац исполнился радости и воскликнул:

– Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, Раша-Какулха!

– Наша работа, наше творение должно быть закончено! – ответили они.

Сперва были созданы земля, горы и долины; был указан

путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодоносной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать благодаря им действительностью.

Глава 2

Затем они создали малых диких животных, лесных человечков¹⁰, духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чаш.

И спросили Великая мать и Великий отец: «Неужели только молчание и только тишина будут под деревьями, под лианами? Хорошо, чтобы в будущем кто-нибудь был там, чтобы охранять их».

Так говорили они, когда они размышляли и беседовали друг с другом. И быстро были созданы олени и птицы. Немедленно они указали оленю и птицам их жилища: «Ты,

¹⁰ Чаше всего духов, обитателей лесных чаш, представляли в виде маленьких уродливых человечков. Они могли причинить неприятности, сыграть с заблудившимся в лесу человеком злую шутку, но иногда оказывали людям и помощь или услуги. В «Летописи какчикелей» они носят название «рувинакильче».

олень, будешь спать в полях, на берегах рек и в ущельях. Ты будешь бродить среди кустов, среди трав; в лесах ты будешь умножаться; ты будешь ходить на четырех ногах, и они будут тебя поддерживать. Так да будет сделано!» Так говорили они.

Затем они назначили также жилища птицам, большим и малым: «Вы, птицы, будете жить среди деревьев, среди лиан. Там вы сделаете себе свои гнезда, там вы будете умножаться; там вы будете увеличиваться в числе, в ветвях деревьев, посреди лиан».

Так было сказано оленю и птицам; они сразу же выполнили то, что им надлежало делать, и все они получили свои жилища и свои гнезда. Вот таким образом Великая мать и Великий отец дали земным животным их обиталища, так для оленя и птиц все обошлось хорошо.

И когда это было закончено, Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец сказали им: «Говорите, кричите, щебечите, зовите, говорите друг с другом, каждый согласно своему виду, согласно своему роду, каждый согласно своему способу!» Так было сказано оленям, птицам, пуме, ягуарам и змеям.

«Называйте же наши имена, восхваляйте нас, вашу мать, вашего отца. Призывайте же Хуракана, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Сердце небес, Сердце земли, Создательницу и Творца, Великую мать и Великого отца, говорите же громко, призывайте нас, почитайте нас», – так было сказано им.

Но они не могли заставить их говорить подобно людям; они лишь свистели, и пищали, и кудахтали; они не были способны произносить слова, и каждый пищал на свой лад.

Когда Создательница и Творец слышали, что для них невозможно говорить друг с другом, то они сказали: «Для них совершенно невозможно произносить наши имена, имена нас, их творцов и создателей. Это нехорошо», – сказали Великая мать и Великий отец друг другу.

Затем они сказали им: «Раз для вас невозможно говорить, вы должны быть изменены. Мы изменили свои намерения: ваша пища, ваши пастбища, ваши жилища и ваши гнезда останутся при вас; это будут ущелья и леса, потому что для вас невозможно почитать нас или призывать нас. Будут еще те, кто будет почитать нас, мы создадим другие существа, какие будут послушными. Примите ваше предназначение: ваша плоть будет разорвана на части. Да будет так! Вот что будет вашей участью». Так сказали они, когда они возвестили свою волю большим и малым животным, сколько их есть на поверхности земли.

Они желали дать себе новое испытание, они желали сделать новую попытку; они желали создать существа, способные почитать их.

Но животные не могли понять говора один другого; они не могли преуспеть в чем-либо и не могли сделать что-либо. Вот по этой причине их плоть была принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы

их убивали и ели. Вот по этой причине Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, была сделана новая попытка создать и сотворить людей.

«Давайте, без промедления, попытаемся снова. Уже приближается время для зари и света. Давайте создадим того, кто будет питать и поддерживать нас! Что мы должны сделать, чтобы нас призывали бы, чтобы нас помнили на земле? Мы уже пытались в нашем первом творении с нашими первыми созданиями, но не могли мы заставить их восхвалять и почитать нас. Так давайте же попытаемся создать послушных, исполненных почтительности существ, которые бы кормили и поддерживали нас», – так говорили они.

Затем существо было сотворено и создано. Из земли, из глины они сделали человеческую плоть. Но они увидели, что это получилось неудачно. Она расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела силы; она падала вниз, она была слабой; голова ее совершенно не могла двигаться, лицо ее было скошено на одну сторону; зрение ее было полностью затуманено, и она не могла видеть сзади. В первый момент она зато могла говорить, но разума у нее не было. Она быстро намокла в воде и не могла стоять.

И тогда Создательница и Творец сказали: «Давайте попытаемся снова, потому что эти создания не способны ни ходить, ни размножаться. Давайте обдумаем это!» – сказали они. И вслед за этим они разломали и разрушили свою работу и свое создание.

И они говорили: «Что же мы должны делать, чтобы наша мысль осуществилась и появились существа, которые взывали бы к нам, молились бы нам?»

Так говорили они, совещаюсь снова друг с другом: «Давайте же скажем Шпийакоку и Шмукане, Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу: бросьте ваш жребий снова, возвестите судьбу и создание такого существа». Таким образом, Создательница и Творец беседовали друг с другом, итак говорили они Шпийакоку и Шмукане.

Тогда они сказали этим предсказателям, Старцам дня, Старцам зари, как они именовались Создательницей и Творцом, тем, чьи имена были Шпийакок и Шмукане.

И сказали Хуракан, Тепеу и Кукумац, когда они говорили с предсказательницей и с создателем, кто суть предвещатели:

«Прежде всего надо ясно узнать и найти средства, чтобы этот человек, которого мы создадим, человек, которого мы намереваемся создать, мог бы кормить и поддерживать нас, мог бы призывать и помнить нас!

Примите же горячо наши слова, о Прародительница и Прародитель, о наша Праматерь и наш Праотец, Шпийакок, Шмукане, создайте свет, создайте зарю, сделайте нас призываемыми, сделайте вас почитаемыми, сделайте нас помнимыми сотворенным человеком, созданным человеком, настоящим человеком, совершенным человеком. Скажите же: пусть будет сделано так!

Пусть будут известны ему ваши имена: Хун-Ахпу-Вуч,

Хун-Ахпу-Утиу, дважды почтенная мать, дважды почтенный отец, Ним-Ак, Ним-Циис, хозяин изумрудов, работающий над драгоценностями, скульптор, строитель, создатель прекрасных блюд, создатель прекрасных сосудов, творец благовонных смол, мастер из Тольтеката¹¹, Праматерь солнца, Праматерь зари. Так вы будете именоваться теми, кто будет нашим делом и нашими созданиями.

Бросьте же жребий вашими зернами кукурузы и семенами дерева ците¹². Сделайте это так, и это будет сделано!

Мы тогда узнаем, сможем ли мы создать или вырезать его рот и глаза из дерева». Так было сказано предвещателям.

Они спустились сразу же, чтобы сотворить свое волшебство, чтобы бросить свои жребии зернами кукурузы и семенами дерева ците. «Судьба, создание!» – сказали Праматерь и Праотец в угоду им. И этот Праотец был тот, кто предсказывает судьбу по семенам дерева ците, тот, кто называется Шпийакок. А Праматерь была прорицательница, создательница, та, которую называют Чиракан Шмукане.

Начиная прорицание, они говорили: «Сойдитесь вместе,

¹¹ В качестве эпитетов богов перечисляется целый ряд профессий. «Мастер из Тольтеката» – значение слова спорно. Оно может обозначать также: 1) «человек из области, населенной народностью тольтеков»; 2) «владыка тольтеков». В легендах тольтеки считались непревзойденными мастерами во всех видах изобразительного искусства.

¹² В современной Гватемале оно называется «дудочным деревом», так как из него изготавливаются дудки. Содержащиеся в его стручкообразных плодах похожие на бобы красные семена и по настоящее время употребляются вместе с зернами кукурузы индейским населением Мексики и Гватемалы при гаданиях.

схватите друг друга! Говорите, чтобы мы могли слышать, – говорили они, – скажите, будет ли хорошо, если дерево будет обработано и будет вырезано Творцом и Создательницей? Будет ли этот деревянный человек тем, кто должен питать и поддерживать нас, когда будет свет, когда будет день?

Ты, кукурузное зерно, вы, семена дерева ците, ты, день судьбы, ты, творение, ты, охваченная зудом желания, и ты с напряженным фаллом, – говорили они кукурузе, ците, дню судьбы, созданию. – Приди, принеси здесь жертву кровью, Сердце небес, не наказывай Тепеу и Кукумаца».

Так говорили они тогда и сказали истину: «Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разговаривать на земле».

«Да будет это так!» – ответили Создательница и Творец.

И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли.

Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех конечностях.

Они уже более не помнили о Сердце небес, и поэтому они погибли. Это было не больше чем проба, чем попытка создать человека. Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни

крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой.

Поэтому они не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них.

Вот каковы были первые люди, существовавшие в большом числе на поверхности земли.

Глава 3

Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.

Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий.

Плоть мужчины была сделана из дерева ците, но когда Создательница и Творец создавали женщину, ее плоть была сделана из сердцевины тростника. Вот таковы были материалы, которые Создательница и Творец желали использовать, создавая их.

Но те, которых они создали, те, которых они сотворили, не думали и не говорили пред лицом своей Создательницы, пред лицом своего Творца. И из-за этого они были уничтожены, они были потоплены. Густая смола пролилась с неба. Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал их глаза; Камалоц пришел и оторвал их головы; Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумбалам тоже пришел, он сломал и рас-

терзал их кости и их жилы, он перетер и сокрушил их кости.

Это было сделано, чтобы наказать их, потому что их мысли не достигали до лица их матери, до лица их отца, Сердца небес, что зовется Хураканом. И по этой причине лик земли потемнел и начал падать черный дождь: ливень днем и ливень ночью.

Тогда сошлись малые животные и большие животные, а деревья и скалы начали бить деревянных людей по лицам. И все начало говорить: их глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их собаки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна, – все, сколько было, поднялось и начало бить их по лицам.

– Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы убьем вас, – сказали их собаки и домашние птицы.

А зернотерки сказали:

– Вы мучили нас каждый день; каждый день, ночью и на заре, все время наши лица терлись друг о друга и говорили холи-холи, хуки-хуки из-за вас. Вот какую дань платили мы вам. Но теперь вы, люди, наконец-то почувствуете нашу силу. Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки, – сказали им их зернотерки.

А затем заговорили их собаки и сказали:

– Почему вы не хотели давать нам ничего есть? Вы едва замечали нас, но вы нас преследовали и выбрасывали нас. У вас всегда была палка, готовая ударить нас, когда вы сидели и ели. Вот как вы обращались с нами, потому что мы не

могли говорить. Разве мы не подошли бы, если бы все шло по-вашему? Почему же вы не глядели вперед, почему вы не подумали о самих себе? Теперь мы уничтожим вас, теперь вы почувствуете, сколько зубов в нашей пасти, мы пожрем вас, – говорили собаки, и затем они разодрали их лица.

А в это же самое время их сковородки и горшки также говорили им:

– Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто бы мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сожжем вас, – сказали горшки, и они били их по лицам.

Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать.

Пришедшие в отчаяние деревянные люди побежали так быстро, как только могли; они хотели вскарабкаться на крыши домов, но дома падали и бросали их на землю; они хотели вскарабкаться на вершины деревьев, но деревья стряхивали их прочь от себя; они хотели скрыться в пещерах, но пещеры закрыли свои лица.

Так совершилась вторая гибель людей сотворенных, людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены.

Говорят, что их потомками являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, по-

тому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева.

Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; она – пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами.

Глава 4

Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало.

Но тем не менее было на земле существо, звавшееся Вукуб-Какиш¹³, и был он очень надменным.

Небо и земля, правда, существовали, но лики солнца и луны были еще совершенно невидимы.

И Вукуб-Какиш сказал: «Поистине, они – ясный образец тех людей, которые потонули, и их природа есть природа сверхъестественных существ¹⁴.

Я буду теперь великим над всеми существами, созданными и сотворенными. Я есмь их солнце, их свет и их луна, – воскликнул он. – Да будет так! Велика моя блистательность!

¹³ Вукуб-Какиш – большой попугай арапа с пышным красно-зеленоголубым оперением.

¹⁴ Значение этих слов Вукуб-Какиша не совсем ясно. В них содержится какой-то намек на деревянных людей («те люди, которые потонули»). Возможно, что вся фраза говорит об обезьянах, схожих с деревянными людьми (см. конец предыдущей главы), которых Вукуб-Какиш принимает за сверхъестественные существа.

Из-за меня будут люди ходить и стоять. Потому что мои глаза из серебра, широкие, сверкающие, как драгоценные камни, как изумруды; мои зубы блистают подобно замечательным камням, подобно лику небес. Мой нос сияет издалека подобно луне, мой трон – из серебра, и лик земли освещается, когда я прохожу перед своим троном!

Итак, я солнце, я луна для всего человечества. Да будет это так, потому что я могу видеть очень далеко».

Так говорил Вукуб-Какиш. Но Вукуб-Какиш не был в действительности солнцем; он лишь возгордился из-за своих перьев и своих богатств. И видеть он мог только до той линии, где небо соединяется с землей; не мог он видеть всего мира.

Лик солнца еще не появился, и лик луны также; не было еще звезд, и заря еще не занималась. Поэтому Вукуб-Какиш и гордился, как будто бы он был солнцем и луной; потому что солнце и луна не показали еще своего света, еще не появились. Его единственным честолюбивым желанием было возвысить себя и властвовать. И все это случилось, когда произошел из-за деревянных людей потоп.

Теперь мы расскажем, как умер Вукуб-Какиш, как он был ниспровергнут и как затем был создан Создательницей и Творцом человек.

Глава 5

Вот начало повествования о поражении и разрушении ве-

личия Вукуб-Какиша, погубленного двумя юношами, первый из которых именовался Хун-Ахпу, а второй – Шбаланке. В действительности они были богами. Когда они увидели вред, который сделал высокомерный и собирается сделать, то юноши сказали перед лицом Сердца небес:

– Нехорошо, чтобы это было так. Ведь человек еще не может жить здесь, на земле. Поэтому мы попытаемся застрелить его из нашей выдувной трубки, когда он будет есть. Да, мы выстрелим в него из выдувной трубки и заставим его заболеть. И это будет концом его величия и богатств, его зеленых камней, его серебра, его изумрудов, его драгоценностей, которыми он так гордится. Это же может сделать каждый! Но не должен уподоблять себя огненному божеству тот, кто есть всего-навсего серебро.

– Так да будет! – сказали юноши, и каждый положил свою выдувную трубку на свое плечо.

И вот Вукуб-Какиш имел двоих сыновей: первый назывался Сипакна, второй же – Кабраканом. А мать этих двух носила имя Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

Этот Сипакна играл с огромными горами, как с мячом: с горой Чикак, с горой Хун-Ахпу, Пекуль, Нашка-Нуль, Макамоб и Хулисаб. Вот имена гор, которые существовали, когда появилась заря; в одну-единственную ночь они были созданы Сипакной.

И Кабракан также заставлял дрожать горы; благодаря ему большие и малые горы плавились.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша провозглашали о своей гордости. «Слушайте, я есмь солнце!» – говорил Вукуб-Какиш. «Я, я тот, кто создал землю!» – говорил Сипакна. «Я тот, кто создал небо и заставил землю дрожать!» – говорил Кабракан.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша следовали примеру своего отца и его предполагаемому величию. И это казалось юношам большим злом. Ни наша первая мать, ни наш первый отец не были тогда еще созданы.

Вот почему была решена юношами смерть Вукуб-Какиша и его сыновей и их разрушение.

Глава 6

Здесь рассказывается о том, как двое юношей выстрелили из своих выдувных трубок в Вукуб-Какиша. Мы сообщим, как каждый из тех, кто стал таким надменным, пришел к своей гибели. У Вукуб-Какиша имелось большое дерево тапаль¹⁵, и он ел плоды его. Каждый день он направлялся к дереву и взбирался на его вершину.

Хун-Ахпу и Шбаланке увидели, что этот плод является его пищей. И они улеглись в засаде у подножия дерева; оба юноши глубоко запрятались в листву кустарника. А Вукуб-Какиш пошел прямо к своей еде из плодов дерева та-

¹⁵ Тапаль – дерево, плоды которого напоминают вишню по форме, но белого цвета.

паль.

Мгновенно он был поражен выстрелом из выдувной трубки Хун-Хун-Ахпу. Шарик ударил его прямо в челюсть, ион, вопя, сразу же упал с верхушки дерева на землю.

Хун-Хун-Ахпу быстро подбежал, он действительно победил, чтобы осилить его, но Вукуб-Какиш схватил руку Хун-Хун-Ахпу, вывернул ее и вырвал ее из плеча. После этого Хун-Хун-Ахпу выпустил Вукуб-Какиша. Конечно, юноши поступили хорошо, не допустив, чтобы они были первыми побеждены Вукуб-Какишем.

Неся руку Хун-Хун-Ахпу, Вукуб-Какиш отправился домой и, прибыв туда, начал нянчить свою челюсть.

– Что это случилось с тобой, владыка мой? – спросила Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

– Что же может быть иного? Эти два чудовища выстрелили в меня из выдувных трубок и сдвинули мою челюсть. Поэтому она шатается, и мои зубы страшно болят. Но сперва поместим над огнем то, что я добыл, пускай она повисит! Пусть она повисит там, над огнем; конечно, эти чудовища скоро придут, чтобы снова завладеть ею, – сказал Вукуб-Какиш и подвесил руку Хун-Хун-Ахпу.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Шбаланке хорошо продумали все это, они отправились поговорить со старцем, имевшим снежно-белые волосы, и со старицей, а она была поистине очень стара и смиренна, ибо они были уже согнуты, как очень старые люди. Старца звали Саки-Ним-Ак, а старицу – Саки-Ни-

ма-Циис. И юноши сказали старцу и старице:

– Пойдемте вместе с нами к дому Вукуб-Какиша, чтобы получить нашу руку. Мы же пойдем сзади вас, и вы скажете им: «Эти вот, с нами, наши внуки; их мать и отец мертвы; поэтому они следуют за нами повсюду, где нам подают милостыню. Ибо единственное занятие, которое мы знаем, – это, как вытаскивать червей из резцов и коренных зубов»¹⁶. Поэтому Вукуб-Какиш подумает, что мы маленькие дети, и мы будем там, чтобы давать вам советы, – сказали двое юношей.

– Хорошо! – ответили старец и старица.

Тогда они отправились в путь к своей цели и увидели Вукуб-Какиша, сидевшего на своем троне. Старица и старец пошли по дороге, а за ними следовали два мальчика, державшиеся позади них. Таким образом они прибыли к дому владыки, а Вукуб-Какиш корчился и вопил из-за боли, которую причиняли ему его зубы. Когда Вукуб-Какиш увидел старца и старицу и тех, кто сопровождал их, он спросил:

– Куда же вы идете, прародители? – так сказал владыка.

– Мы идем поискать чего-нибудь поесть, почтенный владыка, – ответили они.

– А что вы едите? И не дети ли ваши те, кто сопровождает вас?

– О нет, почтенный владыка! Они наши внуки, но мы жалеем их и от каждого куска, что подают нам, мы уделяем им

¹⁶ До сих пор среди индейских народов Гватемалы распространено представление, что зубная боль вызывается червяком, поселившимся в зубе.

половину, о почтенный владыка, — ответили старица и старец.

Между тем владыка испытывал страшную боль из-за своего зуба: он метался из стороны в сторону и мог говорить только с величайшим трудом.

— Я умоляю вас о помощи, имейте же ко мне сострадание. Что можете вы делать? Что вы знаете, как лечить? — спросил их владыка.

И ответили старые:

— О почтенный владыка! Мы можем только вытаскивать червей из зубов, только лечить глаза и только вправлять кости.

— Хорошо! Исцелите тогда мои зубы, которые поистине заставляют меня страдать день и ночь. Из-за них и из-за моих глаз я не могу быть спокоен и не могу спать. Все это из-за того, что два чудовища выстрелили в меня шариком из выдувной трубки, и вот с той поры я не могу больше есть. Имейте же ко мне сострадание! Моя челюсть совсем расшатана, мои зубы качаются!

— Хорошо, почтенный владыка! Это червь заставляет тебя страдать. Все это кончится, когда эти зубы будут вытащены и на их место поставлены другие.

— Хорошо ли будет, если вы вытащите мои зубы? Потому что только благодаря им я являюсь владыкой; мои зубы и мои глаза — вот и все знаки моего достоинства.

— Мы вставим другие из блестящей кости на их место. —

Но блестящая кость в действительности была только зернами белой кукурузы.

— Хорошо, вытащите их тогда и помогите мне по-настоящему, — сказал он.

Тогда они вытащили зубы Вукуб-Какиша, но на их место они вставили только зерна белой кукурузы, и эти кукурузные зерна замечательно блестели у него во рту. Мгновенно черты лица его изменились, и он уже более не выглядел подобно владыке. Они вытащили все, до последнего, его зубы, которые сверкали, подобно драгоценным камням, у него во рту. И наконец, они исцелили глаза Вукуб-Какиша; они содрали кожу с его глаз; они сняли с них все его серебро.

Но он не чувствовал никакой боли и мог видеть по-прежнему. У него только были отобраны все те вещи, которыми он так сильно гордился. Так именно это и было замыслено Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда Вукуб-Какиш умер. Хун-Ахпу же возвратил себе руку. Чимальмат, жена Вукуб-Какиша, также погибла.

Вот каким образом Вукуб-Какиш потерял свою величественность. Целители взяли все изумруды и драгоценные камни, которые были его гордостью здесь на земле.

Старица и старец, сделавшие это, были чудесными существами; взяв руку Хун-Ахпу, они приложили ее к ее месту, и когда они точно приладили ее, все было снова хорошо.

Только для того, чтобы осуществить смерть Вукуб-Какиша, совершили они все это; потому что им казалось дурным,

что он стал таким надменным.

И тогда двое юношей отправились дальше, выполнив, таким образом, то, что им было приказано Сердцем небес.

Глава 7

Дальше здесь следуют дела Сипакны, старшего сына Вукуб-Какиша.

– Я творец гор, – говорил Сипакна.

И вот этот Сипакна купался у берега реки, когда мимо проходили четыре сотни юношей, тащивших бревно, чтобы подпереть свой дом¹⁷. Четыре сотни юношей возвращались после того, как они срубили большое дерево, чтобы изготовить из него главную балку для крыши своего дома.

Тогда Сипакна вышел из воды и, подойдя к четырем сотням юношей, сказал им:

– Что это вы делаете там, юноши?

– Вот тащим это бревно, – ответили они, – мы не можем поднять его и нести на своих плечах.

¹⁷ В сказании о четырехстах юношах следует отметить два момента. Первый: юноши живут вдали от своих родителей (о них даже не упоминается в рассказе) в одном доме и составляют единый коллектив. Не случайно и число четырехста; оно обозначает здесь, по всей вероятности, просто «множество». Можно думать, что в этом сказании сохранились какие-то отзвуки представлений о мужских домах или домах для юношеских инициаций. Во-вторых, в этом сказании можно видеть и космогонические мотивы: постройка в древних мифологиях – образ создания космоса, а разрушение его и смерть обитателей равнялись гибели существующего мира.

– Я отнесу его. Куда с ним идти? Для чего вы его хотите?

– Для главной балки в крыше нашего дома.

– Хорошо, – ответил он, поднял его, положил его на свои плечи и отнес к входу дома, где жили четыре сотни юношей.

– Теперь оставайся с нами, юноша, – сказали они, – есть ли у тебя мать или отец?

– У меня нет никого, – отвечал он.

– Мы собираемся завтра приготовить еще одно бревно для подпорки нашего дома.

– Хорошо, – ответил он.

Четыре сотни юношей начали совещаться друг с другом и сказали:

– Этот молодой человек там – как это нам устроить, чтобы мы смогли его убить? Как мы убьем этого мальчика? Потому что не предвещает ничего хорошего то, что он сделал, когда высоко поднял бревно один. Давайте сделаем большую яму и толкнем его, чтобы он упал в нее. Мы скажем ему: ступай вниз, выгребь землю и вытащи ее из ямы, а когда он спустится вниз, углубится в яму, мы сделаем так, что на него свалится большое бревно, и он умрет там, в яме.

Так говорили четыре сотни юношей. Затем они вырыли большую, очень глубокую яму. Тогда они позвали Сипакну.

– Ты нам очень нравишься. Иди же, спустись и рой землю, потому что мы не можем добраться до дна, – сказали они ему.

– Хорошо, – ответил он. И после этого он сразу же полез

в яму.

– Ты громко позови нас, когда накопаешь много земли. Основательнее спускайся в глубину! – было приказано ему.

– Да будет так, – ответил он. И затем он начал углублять яму.

Но яма, которую он делал, должна была спасти его самого от опасности. Он знал, что они желают убить его; поэтому он рыл вторую яму, он делал сбоку другое углубление, чтобы освободить себя.

– Как далеко ты углубился? – крикнули ему вниз четыре сотни юношей.

– Я еще копаю, я крикну вам, когда я кончу копать, – сказал Сипакна со дна ямы.

Но он не копал себе могилу; вместо этого он отрывал другое углубление, чтобы спастись.

Наконец Сипакна громко позвал их. Но когда он крикнул, он уже был в безопасности, во второй яме.

– Идите соберите и вытащите выкопанную землю, мусор, находящийся на дне ямы, – сказал он, – потому что поистине я сделал ее очень глубокой. Разве вы не слышите моего зова? Но вот ваши крики, ваши слова повторяются здесь однажды и дважды, так что я хорошо слышу, где вы находитесь. – Так зывал Сипакна из ямы, в которой он спрятался, так он громко кричал из глубины.

Тогда юноши быстро подтащили то самое огромное бревно и с силой швырнули его в яму.

– Пусть никто ничего не говорит! Давайте подождем, пока не услышим его предсмертного крика, – говорили они друг другу шепотом. И ни один из них не мог посмотреть в лицо другому, когда бревно шумно полетело вниз.

Сипакна заговорил, затем крикнул, но он вскрикнул только один лишь раз, когда бревно упало на дно.

– Как мы преуспели в этом! Мы действительно его поразили! Теперь он мертв, – восклицали юноши, – если бы, к несчастью, он продолжал то, что начал делать, конец был бы нам; он прежде всего набросился бы на нас, а тогда с нами, четырьмя сотнями юношей, было бы все кончено!¹⁸

И, исполненные радости, они говорили:

– Теперь в течение следующих трех дней мы должны делать себе опьяняющий напиток. Когда эти три дня пройдут, мы будем пить за постройку нашего нового дома, мы, четыре сотни юношей.

Затем они сказали:

¹⁸ Причина, которой пытаются оправдать свою попытку убийства Сипакны четырьмя сотнями юношей, звучит неубедительно. В предшествующем тексте нигде не говорится о том, чтобы «он сталкивался с ними», наоборот, он послушно выполняет все их указания. Очевидно, перед нами уже поздняя трансформация мифа, при которой сказитель «Пополь-Вух» не понимал смысла покушения на Сипакну и дополнил от себя причину. В действительности же, по всей видимости, первоначально здесь был миф о «строительной жертве»; вся обстановка рассказа соответствует этому: четырьмя сотнями юношей строят дом, они роют яму, в которую спускается жертва, ит. д. Существование таких жертвоприношений в древности засвидетельствовано археологическими находками на территории Мексики и Гватемалы.

– Завтра мы посмотрим, и на следующий день, послезавтра, мы также посмотрим; может быть, мы увидим, как выйдут муравьи из земли, когда он начнет пахнуть, когда он начнет разлагаться. Вот тогда наши сердца станут совершенно спокойны, и мы выпьем наш опьяняющий напиток, – говорили они.

Но Сипакна из своей ямы слышал все, что говорили юноши.

И действительно, на второй день появились полчища муравьев; они приходили и шли и собирались под бревном. И некоторые из них тащили в своих ртах волосы Сипакны, а другие тащили его ногти.

Когда юноши увидели это, они воскликнули: «Этот злодей теперь погиб. Посмотрите, как собрались муравьи, как они идут полчищами, и одни из них несут его волосы, а другие – его ногти. Посмотрите же! Вот что мы сделали!» Так говорили они друг другу.

Но Сипакна был в действительности жив. Он обрезал себе волосы и обгрыз зубами свои ногти, чтобы отдать их муравьям.

И вот четыре сотни юношей поверили, что он мертв, и на третий день они начали праздновать, и все юноши напились пьяными. А когда четыре сотни становились пьяными, они не разумели ничего другого. И тогда Сипакна заставил дом упасть на их головы, и все они были убиты. Даже один или двое не спаслись среди этих четырех сотен; все они были

убиты Сипакной, сыном Вукуб-Какиша.

Вот каким образом умерли четыре сотни юношей. Говорят, что они стали группой звезд, которую из-за них называют Моц¹⁹, но это может быть и неправда.

Теперь мы расскажем о том, как Сипакна был окончательно побежден двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 8

Теперь следует повествование о поражении и смерти Сипакны, побежденного двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Сердца этих юношей были полны злобы, потому что Сипакна убил четыре сотни юношей.

А он лишь ловил рыбу и раков на берегах всех рек, и это составляло его ежедневную пищу. В течение всего дня он ходил, выискивая себе пищу, а по ночам он таскал на своей спине горы.

При помощи листа растения эк, которое растет во всех лесах, Хун-Ахпу и Шбаланке быстро сделали фигуру, выглядевшую подобно очень большому раку. Из этого листа они сделали туловище рака, тонкие клешни его они сделали из пахака, а для панциря, который покрывает спину изад рака, они использовали круглый плоский камень.

Затем они поместили рака в глубине пещеры, у подножия

¹⁹ Моц – семь звезд, Плеяды. В древнем Перу они считались семью глазами Уиракочи, наблюдавшими за урожаем.

большой горы; Меауан²⁰ – вот имя горы, где Сипакна был впоследствии побежден.

Затем юноши отправились дальше и как будто случайно встретились с Сипакной на берегу реки.

– Куда ты идешь, юноша? – спросили они его.

– Никуда я не иду, – ответил Сипакна, – я лишь ищу себе пищу, о юноши.

– А что является твоей пищей?

– Только рыба и раки, но здесь ничего нет, и я ничего не нашел. А я не ел вот уже два дня и не могу уже больше переносить голод, – сказал Сипакна Хун-Ахпу и Шбаланке.

– Там, в глубине ущелья, есть рак, поистине огромный рак, и конечно хорошо было бы, если бы ты съел его. Только он нас укусил, когда мы пытались его поймать, и мы испугались. Ни за что не будем теперь пытаться его поймать, – сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

– Пожалейте меня! Пойдемте, покажите мне путь, о юноши, – допросил Сипакна.

– Ни за что на свете! Иди ты один, там невозможно заблудиться. Иди по берегу реки, вверх по течению, и ты выйдешь к подножию большой горы; там он и шумит, в глубине ущелья. Тебе надо туда только быстрее дойти, – сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

– Ох, горе мне! Он, наверное, вообще вам не встречался, о

²⁰ Высокая гора, носящая это имя, находится в нижнем Верапасе, около 10 км к востоку от знаменитого гватемальского селения Рабиналь.

юноши! Пойдемте со мной, я покажу вам место, где имеется воистину множество птиц. Идемте, вы сможете застрелить их вашими выдувными трубками, а я знаю, где найти их, – сказал Сипакна.

Его смирение убедило юношей. И они спросили его:

– Но ты в действительности сумеешь поймать его? Потому что только из-за тебя мы возвращаемся. Мы не собирались снова пытаться поймать его, потому что он укусил нас, когда мы влезали на животе в пещеру. После этого мы испугались и не влезли, но мы почти ухватили его. Так что лучше будет, если ты влезешь внутрь, – сказали они.

– Хорошо, – сказал Сипакна, и тогда они отправились вместе с ним.

Они пришли на дно ущелья, и там, простертый на своем животе, находился рак, выставя свой прекрасный тонкий панцирь. И там же, на дне ущелья, находилось и колдовство юношей.

– Хорошо, хорошо, – сказал Сипакна, очень довольный, – хотелось бы мне, чтобы он уже был у меня во рту. – А он действительно умирал от голода.

Он хотел попытаться влезть в пещеру на животе, он хотел войти туда, но рак начал подниматься.

Сипакна сразу же вышел, и юноши спросили его:

– Ну что же, ты не поймал его?

– Нет, – ответил он, – потому что он начал подниматься, но еще немного, и я схватил бы его. Но, может быть, будет

лучше, если я влезу в пещеру сверху, – добавил он.

И тогда он снова попытался войти, уже сверху, но когда он был почти внутри и были видны только его пятки, как вдруг огромная гора соскользнула и медленно упала на его грудь. И Сипакна никогда уже не возвратился; он был превращен в камень.

Вот каким образом Сипакна был полностью повержен двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Он был старшим сыном Вукуб-Какиша, и по старинному преданию он был тем, кто создал горы.

У подножия горы, называемой Меауан, был побежден он. Только из-за магического искусства юношей был он побежден, второй из надменных. Остался еще один, и теперь мы расскажем о нем.

Глава 9

Третьим из надменных был второй сын Вукуб-Какиша, и имя его было Кабракан.

– Я тот, кто ниспровергает горы, – говорил он.

Но Кабракан был также побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха говорили и сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

– Пусть будет также побежден и второй сын Вукуб-Какиша. Таково наше неизменное пожелание, потому что нехорошо, что они существуют на земле, возвеличивая свою славу,

свое величие и свое могущество больше, чем солнце. Так не должно быть! Завлеките его туда, где поднимается солнце, – сказал Хуракан двум юношам²¹.

– Хорошо, почтенный владыка, – ответили они, – потому что мы видим, что это дурно. Разве не существуешь ты, ты, кто есть жизнь, ты, Сердце небес? – сказали юноши, когда они слушали повеление Хуракана.

А между тем Кабракан занимался тем, что тряс горы. При самом легком ударе его ноги о землю большие и малые горы раскрывались. Так юноши нашли его и спросили Кабракана:

– Куда же ты идешь, юноша?

– Никуда, – ответил он, – я здесьдвигаю горы и сравниваю их навсегда с землей, – добавил он.

Затем Кабракан спросил Хун-Ахпу и Шбаланке:

– А что вы пришли сюда делать? Я не знаю ваших лиц! Как ваши имена? – спросил Кабракан.

– У нас нет имени, – ответили они, – мы не что иное, как стрелки из выдувных трубок и охотники с клеевыми ловушками для птиц на горах. Мы бедны, и у нас нет ничего, юноша. Мы лишь бродим по горам, большим и малым, как и ты, о юноша. Только что мы видели огромную гору, вот там, где ты видишь розовеющее небо. Она действительно поднимается очень высоко и превышает вершины всех других гор.

²¹ В этом месте яснее всего выражена причина уничтожения Вукуб-Какиша и его сыновей. Речь идет о борьбе между «богами» и «титанами». В аналогичном греческом мифе боги сражаются сами, а в мифе киче – при помощи своих орудий, полубогов Хун-Ахпу и Шбаланке.

Она так высока, что мы не смогли поймать даже одну или двух птиц на ней, о юноша. Но это правда, что ты можешь сравнять все горы? – спросили Кабракана Хун-Ахпу и Шбаланке.

– Вы действительно видели гору, о которой вы говорите? Где она? Вы тогда увидите сами, что я ниспровергну ее. Где вы ее видели?

– Она вон там, где поднимается солнце, – сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

– Хорошо, идите впереди, покажите мне дорогу, – сказал он двум юношам.

– Ох, нет, – ответили они, – ты должен идти между нами; один пойдет слева от тебя, а другой – справа от тебя, потому что у нас выдувные трубки и если будут птицы, мы сможем стрелять в них.

И, довольные, они отправились, пробуя свои выдувные трубки. Но когда они стреляли из них, они не клали глиняных шариков в дуло выдувной трубки. Вместо этого они сбивали птиц только дуновением воздуха, когда стреляли в них, и это очень удивляло Кабракана.

Затем юноши разожгли огонь и начали жарить на нем своих птиц. Но спинку одной из них они натерли мелом; белой землей покрыли они ее.

– Мы дадим ему это кушанье, – сказали они, – чтобы пробудить его аппетит тем запахом, который оно издает. Эта наша птица будет его гибелью. Как мы покрываем эту птицу

землей, так же мы сведем его в землю и погребем его в земле. Велика будет мудрость сотворенных существ, существ созданных, когда наступит заря, когда будет свет, — сказали юноши.

— Так как для человека естественно хотеть откусывать и проглатывать, то сердце Кабракана пожелает пищи, — говорили Хун-Ахпу и Шбаланке друг другу.

Между тем птицы жарились, они начинали становиться золотистыми, а жир и сок, капавший с них, распространял приятный запах. Кабракану очень захотелось съесть их; они наполнили его рот водой: он зевал, а слюна и пена текли из его рта из-за запаха, который издавали птицы.

Тогда он спросил их:

— Что это вы там едите? Запах, который доходит до меня, действительно замечателен. Дайте-ка мне маленький кусочек! — сказал он им.

Тогда они дали Кабракану птицу, ту самую, которая должна была быть его гибелью. И когда он кончил есть ее, они отправились по направлению к востоку, где была большая гора. Но руки и ноги Кабракана уже полностью ослабели, и он не имел силы, потому что спинка птицы, которую он съел, была натерта землей. Он не мог ничего сделать с горами и был бессилен сокрушить их.

Тогда юноши связали его; они связали ему руки, они укрепили его руки за спиной; они связали его ноги. Затем они бросили его на землю и похоронили его в ней.

Вот каким образом Кабракан был побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Но невозможно было бы поведать о всех делах, которые они совершили здесь, на земле.

Теперь мы расскажем о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке, предварительно сообщив о поражении Вукуб-Какиша, а с ним Сипакны и Кабракана здесь, на земле.

Часть II

Глава 1

Теперь мы назовем имя отца Хун-Ахпу и Шбаланке. Полумрак скрывает его голову, и в полумраке находится все то, что сообщается и повествуется о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Мы расскажем только лишь половину ее, только часть того, что рассказывается об их предках.

Вот повествование о них; вот имена: Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу²², как назывались они. Родителями их были Шпийакок и Шмукане. В ночи были рождены²³ ими, Шпийакоком и Шмукане, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И вот Хун-Хун-Ахпу породил двух детей, и это были сы-

²² Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу – буквально «один хун-ахпу» и «семь хун-ахпу». Имена этих героев представляют собой названия двух дней в календаре киче. Месяц древних киче состоял из двадцати дней (названия их – имош, ик, акбаль, кат, кан, камей, кех, канель, тох, ци, бац, э, ах, балам, ци-кин, ахмак, нох, тихаш, каок, хун-ахпу). Племена майя до испанского завоевания обозначали день года путем соединения цифрового коэффициента (от 1 до 13) и названия дня. Благодаря этому получался непрерывный ряд из 260 дней; сочетание числа и дня могло повториться лишь через данный промежуток времени. Этот период в 260 дней составлял у киче ритуальный год. Существовал обычай, по которому рожденный в тот или иной день ребенок получал название этого дня как свое имя. Этим и объясняются встречающиеся далее имена действующих лиц, совпадающие с названиями дней.

²³ То есть до того, как были созданы солнце и луна.

новья: первый носил имя Хун-Бац, а второй – Хун-Чоуэн²⁴.

Мать этих двух сыновей именовалась Шбакийало²⁵; так называлась жена Хун-Хун-Ахпу. Что же касается другого сына, Вукуб-Хун-Ахпу, то он не имел жены; он был одинок.

По природе своей эти два сына были очень мудрыми, и великим было их знание; они были предсказателями здесь, на земле, и дела и привычки их были прекрасны.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн, сыновья Хун-Хун-Ахпу, имели навыки и способности ко всему. Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами – всем этим были Хун-Бац и Хун-Чоуэн²⁶.

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не занимались ничем, кроме игры в кости и мяч, в течение целого дня, а когда они сходились все четверо вместе для игры в мяч, то одна пара играла против другой.

И Вок²⁷, посланник Хуракана, посланник Чипи-Какулха и Раша-Какулха, приходил туда, чтобы наблюдать их игру. Не далека для этого Вока ни поверхность земли, ни преисподняя Шибальбы. В одно мгновение он может унести на небо и быть около Хуракана.

²⁴ Хун-Бац («одна обезьяна») – одиннадцатый день календаря киче; Хун-Чоуэн (значение то же) – одиннадцатый день в календаре юкатанских майя.

²⁵ Шбакийало – «женщина рода Белой цапли».

²⁶ Слово «чоуэн» на языке майя обозначает «ремесленник».

²⁷ Вок – сокол, посланник богов.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу пребывали еще здесь, на земле, когда умерла мать Хун-Баца и Хун-Чоуэна.

И вот, когда они играли в мяч, на дороге, которая вела в Шибальбу, они были услышаны владыками Шибальбы²⁸ Хун-Каме и Вукуб-Каме²⁹.

«Что это такое? Что происходит там, на земле? Кто эти, что заставляют дрожать землю и вызывают столько смуты? Подите и позовите их! Пусть они придут играть в мяч сюда! Здесь мы победим их! Эти создания уже более не почитают нас! У них нет более ни почтения, ни уважения к нашему положению, и они даже занимаются своими причудами над нашими головами», – восклицали все владыки Шибальбы.

Тогда они, все вместе, собрались на совет. Те, которые назывались Хун-Каме и Вукуб-Каме, были высшими судьями. Всем владыкам были назначены свои обязанности, и каждому из них Хун-Каме и Вукуб-Каме дали свою, соответствующую ему власть.

Там были Шикирипат и Кучумакик, владыки с такими

²⁸ Буквально «Место ужаса». «В древности, – говорит Кото, – это слово означало дьявола, или мертвого, или видения, появлявшиеся перед индейцами». В словаре юкатанских майя это слово имеет то же значение: «Шибальба» означало дьявола, а глагол *xibil* – «исчезать, подобно видению или призраку». У майя исполнялся танец, называвшийся *Xibalba osot* «танец демона». Киче верили, что Шибальба – подземная область, населенная врагами человека, царство богов смерти.

²⁹ Хун-Каме («один мертвый») и Вукуб-Каме («семь мертвых») – дни календаря киче.

именами³⁰. Они были те двое, которые причиняют кровотоечение у людей.

Там были другие, назывались они Ах-Альпух и Ах-Алькана, тоже владыки³¹. И их делом было заставлять людей пухнуть, чтобы из их ног изливался гной, и окрашивать их лица в желтый цвет, что называется чуканаль³². Вот над чем владычествовали Ах-Альпух и Ах-Алькана.

Там были также владыка Чамиабак и владыка Чамиахолом, жезлоносцы Шибальбы, чьи посохи были из чистой кости³³. Их делом было заставлять людей чахнуть, пока от них не оставалось ничего, кроме черепа и костей, и тогда они умирали, потому что живот у них приклеивался к позвоночнику. Вот что было делом Чамиабака и Чамиахолома, как именовались эти владыки.

Там были также владыка Ах-Альмес и владыка Ах-Альтокоб; их делом было приносить людям несчастья, когда те находились перед своим домом или позади него, – так, чтобы их нашли израненными, распростертыми, с лицом, уткнув-

³⁰ Имя первого обозначает «летающая корзина», имя второго – «собранная кровь».

³¹ Альпух – «Тот, кто причиняет нарывы». У современных какчикелей это слово обозначает венерическую болезнь. Алькана – «Тот, кто причиняет водянку».

³² Чуканаль – род желтухи.

³³ Чамиабак – «Тот, кто носит костяной жезл». Чамиахолом – «Тот, кто носит жезл с черепом». И тот и другой жезл – символы смерти. «Человек с жезлом» (жезл или палка – символ власти) – люди, поддерживающие общественное спокойствие в государствах доколумбовой Америки.

шимся в землю, мертвыми. Вот над чем владычествовали Ах-Альмес и Ах-Альтокоб, как именовались эти владыки³⁴.

Там были, наконец, владыки по имени Шик и Патан³⁵. Их делом было заставлять людей умирать на дороге – то, что называется внезапной смертью, – заставляя кровь устремиться к их горлу, пока они не умирали, изрыгая кровь. Дело каждого из этих владык было наброситься на них, сжать их горло и сердце, чтобы хлынула у них горлом кровь во время пути. Вот над чем владычествовали Шик и Патан.

И вот собрались они на совет, и решили совместно, что должно преследовать и мучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, чтобы сделать их уступчивыми. Но в действительности то, чего домогались владыки Шибальбы, было другим. Снаряжения для игры в мяч Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу – их наколенников из кожи, нашейников, перчаток, головных уборов и масок, – всего того, что было игральными принадлежностями Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, – вот чего добивались они.

Теперь мы расскажем о их путешествии в Шибальбу икак они оставили после себя двух сыновей Хун-Хун-Ахпу: Хун-Баца и Хун-Чоуэна, мать которых была уже мертва. А в кон-

³⁴ Альмес – «Тот, кто делает нечистоты». Альтокоб – «Тот, кто причиняет несчастье». Возможно другое толкование: «Тот, кто причиняет раны», «убийца».

³⁵ Шик – «сокол». Патан – кожаная лента, носимая индейцами на голове; к ней прикрепляется носимая на спине ноша. Многие из перечисляемых в этом месте имен божеств встречаются в древнем «Словаре языка киче и какчикелей», где они определяются как «имена демонов».

це мы расскажем иотом, как Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 2

Тотчас по повелению Хуна-Каме и Вукуба-Каме перед нами предстали посланные.

– Отправляйтесь, мужи совета, – сказали они. – Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу. Скажите им: «Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны прийти. Они должны прийти сюда поиграть с нами в мяч, чтобы сделать нас счастливыми, так как мы поистине изумлены ими». Поэтому они должны прийти к нам, – сказали владыки. – И пусть они принесут с собой свое снаряжение для игры³⁶, их нашейники, их перчатки, и пусть также они принесут и свой каучуковый мяч, – говорили владыки. – Скажите им, чтобы они пришли как возможно скорей! – так повелели они своим посланцам.

А эти посланные были совы: Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холлом-Тукур³⁷. Таковы были имена послан-

³⁶ Так как при игре в мяч игрок мог получить в пылу игры увечья (мяч из каучука был очень тяжелым), то перед ее началом он надевал специальное предохранительное одеяние, состоявшее из наколенников из плотной кожи, защищавших ноги и часть бедер, нашейника (несколько специальных колец для защиты шеи), перчаток, специального головного убора (нечто вроде шлема) и маски.

³⁷ Послы Шибальбы носили имена: «Сова-стрела», «Одноногая сова», «Сова-арара» и «Сова-голова».

ников Шибальбы.

Чаби-Тукур был быстр, как стрела, Хуракан-Тукур имел только одну ногу, но у него были крылья; Какиш-Тукур имел красную спину и крылья, а у Холом-Тукура имелась только голова, ног не было, но имелись крылья.

Эти четыре посланных имели достоинство ах-поп-ачиха³⁸. Оставя Шибальбу, они быстро прибыли, принеся свое послание в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч, в здание для игры в мяч, которое называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники направились прямо в здание для игры в мяч и передали свое поручение точно так, как оно было дано им Хун-Каме, Вукубом-Каме, Ах-Альпухом, Ах-Альканой, Чамиабаком, Чамиахоломом, Шикирипатом, Кучумакиком, Ах-Альмесом, Ах-Альтокобом, Шиком и Патаном, как назывались те владыки, которые послали поручение с совами.

– Действительно ли владыки Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали, что мы должны идти с вами?

– Они определенно сказали так, и мы будем сопровождать вас. «Пусть принесут они с собой все их снаряжение для игры», – сказали владыки.

– Хорошо! – сказали юноши. – Подождите нас, мы только сходим проститься с нашей матерью.

И вот они направились прямо домой и сказали своей ма-

³⁸ Ах-поп-ачих (буквально «благородный муж ах-попа») – почетное звание у киче.

тери, потому что отец их был уже мертв:

– Мы уходим, мать наша, но уходим только на время. Посланники владык пришли, чтобы взять нас. «Они должны прийти как возможно скорей», – сказали владыки; так передали нам их посланцы. Мы оставим здесь наш каучуковый мяч в качестве залога, – добавили братья.

И они немедленно пошли и повесили его в углублении крыши дома, там, где находилась ниша. «Мы возвратимся и будем потом играть», – сказали они.

И, подойдя к Хун-Бацу и Хун-Чоуэну, они сказали им: «Играйте на прекрасной флейте и пойте прекрасно, занимайтесь живописью и резьбой по камню, согревайте наш дом и согревайте сердце вашей бабушки!»

Когда они прощались со своей матерью, Шмукане очень огорчилась и горько заплакала. «Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли», – сказали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, когда они покидали ее.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились немедленно, и посланные шествовали впереди них по дороге. И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням. Они спускались вниз до тех пор, пока не подошли к берегу постоянно изменявшейся реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, называвшимися Нусиван-куль и Кусиван, и переправились через нее. Затем они пересекли местность с очень изменчивой рекой, которая текла среди колючих тыквенных деревьев. Там было

очень много тыквенных деревьев, но они прошли между ними, не причинив себе вреда.

Затем они подошли к берегу другой реки, реки из крови, и пересекли ее, но не пили из нее воды, они только перебрались на другой берег, и поэтому они не были побеждены. А затем они подошли к другой реке, реке целиком из гноя; но она не принесла им вреда; они прошли снова беспрепятственно.

Братья двинулись дальше, пока они не пришли на место, где соединялись четыре дороги, и здесь, на этом перекрестке четырех дорог, они были настигнуты судьбой.

Одна из этих четырех дорог была красная, другая – черная, третья – белая и последняя – желтая. И черная дорога сказала им: «Меня, меня должны вы избрать, потому что я – дорога владыки». Так сказала дорога.

И в этом месте они были уже побеждены. Они приняли эту дорогу, дорогу к Шибальбе, и когда братья прибыли на место совета владык Шибальбы, они уже потеряли в игре.

И вот, первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы. Братья приветствовали их первыми: «Привет, Хун-Каме!» – сказали они деревянной кукле. – «Привет, Вукуб-Каме!» – сказали они другому деревянному изображению. Ноте не отвечали. Немедленно владыки Шибальбы разразились хохотом, и все другие владыки начали громко смеяться, потому что они смотрели на Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу как

на уже обессиленных, как на уже побежденных. Вот почему они продолжали смеяться.

Тогда Хун-Каме и Вукуб-Каме заговорили: «Хорошо», – сказали они, – «вот вы прибыли. На завтра приготовьте маску, ваши нашейники и перчатки», – прибавили они.

«Подойдите и сядьте на нашу скамью», – сказали они. Но скамья, которую они предложили братьям, была из раскаленного камня, и когда они сели на нее, то они обожглись. Они начали извиваться на скамье, но не находили себе никакого облегчения. Конечно, они вскочили со скамьи, но сидища их были обожжены.

Владыки Шибальбы снова разразились хохотом; они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы.

«Теперь идите к этому дому, – сказали они, – там вы получите ваши смолистые лучины и ваши сигары и там вы будете спать».

Немедленно прибыли они в «Дом мрака». Внутри него была только тьма. А пока они были там, владыки Шибальбы обсуждали, что они должны предпринять.

«Давайте принесем их в жертву завтра, пусть они умрут быстро-быстро, так, чтобы мы могли пользоваться их игральным снаряжением при игре в мяч», – говорили владыки Шибальбы друг другу.

А лучинами у них были липкие от крови каменные ножи;

они назывались «сакиток» – так называлась сосна Шибальбы. Обоюдоострой была и их игра в мяч; каждое мгновение их кости могли быть расчленены; роковой могла быть для них игра в мяч с владыками Шибальбы.

Итак, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вошли в «Дом мрака». Там им были даны их смолистые лучины, единственная зажженная лучина, которую Хун-Каме и Вукуб-Каме послали им, вместе с зажженной сигарой для каждого, которые послали им владыки. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу сидели в темноте, совершенно скорчившись, когда вошел посланец с лучинами и сигарами. Лучины ярко осветили помещение, когда он передавал слова владык:

«Каждый из вас имеет горящую лучину и сигару; приходите на заре и принесите их обратно. Вы не должны сжигать их, новы должны возратить их целыми, в том же виде, что и сейчас, – вот что поручили сказать мне владыки».

Так было сказано им. И этим братья были побеждены. Они сожгли лучины, и они также искурили сигары, которые были даны им.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое – это «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма.

Второе было Шушулим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной, невыносимый ветер дул внутри.

Третье было «Дом ягуаров», Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха, «Домом летучих мышей», называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.

Пятое называлось Чайим-Ха, «Дом ножей», в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению всего находящегося здесь, в этом доме.

В Шибальбе было много мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не входили туда. Мы должны были только упомянуть здесь названия этих домов для испытаний.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу появились перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, эти им сказали: «Где же мои сигары? Где моя смолистая лучина, которая была дана вам на прошлую ночь?»

– Они все кончились, владыка!

– Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву! – сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Они немедленно принесли братьев в жертву и погребли их; они были погребены в месте, называемом Пукбаль-Чах. Перед их погребением владыки Шибальбы отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили лишь тело старшего брата вместе с младшим братом.

«Возьмите его голову и поместите ее на дереве, находящемся около дороги», – сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме. И когда туда пришли и поместили голову Хун-Хун-Ахпу посреди ветвей дерева, оно, никогда раньше не приносявшее плодов, внезапно покрылось плодами. И это тыквенное дерево – так оно зовется – и есть то самое, которое мы теперь называем головой Хун-Хун-Ахпу.

С изумлением смотрели Хун-Каме и Вукуб-Каме на плоды этого дерева. Круглые плоды виднелись повсюду, но Хун-Каме и Вукуб-Каме не могли распознать, где голова Хун-Хун-Ахпу; она была совершенно подобна другим плодам тыквенного дерева. Так это казалось всем обитателям Шибальбы, когда они пришли посмотреть на него вблизи.

Они единодушно решили из-за того, что произошло, когда они поместили среди его ветвей голову Хун-Хун-Ахпу, что дерево это – волшебное. И владыки Шибальбы сказали:

«Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко и садиться под этим деревом!» – сказали они. Так владыки Шибальбы решили держать в стороне от дерева всякого.

Голову Хун-Хун-Ахпу более уже нельзя было узнать, по-

тому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева. Тем не менее об этом говорилось очень много, и одна девушка слышала этот чудесный рассказ. Теперь мы расскажем об ее прибытии к этому дереву.

Глава 3

Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучумакик.

До этой девушки, дочери владыки, также дошел рассказ об этом. Имя отца было Кучумакик, а имя девушки – Шкик³⁹. Когда она слышала рассказ о плодах на дереве, который постоянно рассказывал ее отец, она, слушая это, была очень изумлена.

«Почему я не могу пойти посмотреть на это дерево, о котором они столько говорят, – воскликнула девушка. – Я уверена, что плоды, разговоры о которых я постоянно слышу, должны быть очень вкусными».

И вот, девушка пошла совершенно одна и приблизилась к подножию дерева, росшего в Пукбаль-Чах.

– Ах, – воскликнула она, – что это за плоды, растущие на этом дереве? Разве не удивительно видеть, как оно покрыто плодами? Разве не вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву один-единственный из этих

³⁹ Слово «Шкик» может значить «кровь женщины» или «малая кровь, кровинка».

плодов? – сказала девушка.

Тогда череп, находившийся среди ветвей дерева, заговорил и сказал:

– Что ты хочешь от дерева? Эти круглые предметы, покрывающие ветви дерева, всего лишь черепа. – Так говорила голова Хун-Хун-Ахпу, обращаясь к девушке. – Ты, может быть, хочешь их? – добавила она.

– Да, я хочу их! – ответила девушка.

– Хорошо, – сказал череп. – Протяни ладонь своей правой руки сюда! Посмотрим!

– Пусть будет! – сказала девушка, выдвигая свою руку и протягивая ее прямо к черепу.

В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь. Она быстро и внимательно посмотрела на свою руку, но слюны, упавшей из черепа, на ее ладони уже не было.

– В моей слюне и влаге я дал тебе потомство, – сказал голос из дерева. – Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп без плоти. Таковы и головы великих владык, ибо только плоть есть то, что дает им приятный вид. И когда они умирают, люди пугаются при виде их костей. Такова же природа их сыновей, которая подобна влаге и слюне; их жизненная сущность, будь то сын владыки, сын мудреца или оратора. Они не теряют своей сущности, когда отходят, но завещают ее. Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть ис-

коренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой. Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим. Да будет это так! – сказала голова Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И все то, что они сделали вместе, было воистину совершенно по повелению Хуракана, Чипи-Какулха и Раша-Какулха.

После этого девушка возвратилась прямо домой, и много забот легло на нее. Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Итак, девушка возвратилась домой, и после того, как прошло шесть месяцев, ее отец, именовавшийся Кучумакик, заметил ее положение. И тогда девушка вспомнила слова, сказанные ей головой Хун-Хун-Ахпу, потому что даже ее отец увидел, что она ожидает потомства.

И тогда все владыки и Хун-Каме и Вукуб-Каме собрались на совет с Кучумакиком.

– Моя дочь действительно ждет ребенка, владыки, она беременна из-за чистого распутства, – воскликнул Кучумакик, когда он появился перед владыками.

– Хорошо, – сказали они, – вырви признание из ее рта и, если она откажется говорить, накажи ее. Пусть она будет уведена далеко отсюда и принесена в жертву.

– Хорошо, почтенные владыки, – ответил он.

И тогда спросил Кучумакик у своей дочери:

– От кого эти дети, которых ты носишь в чреве, дочь моя?
А она ответила:

– У меня нет ребенка, почтенный отец мой, потому что я не знала еще лица мужчины.

– Хорошо, – сказал он, – так ты, значит, действительно блудница. Возьмите ее и принесите ее в жертву, почтенные мужи, принесите мне ее сердце в тыквенной чаше; в этот же день оно должно трепетать в руках владык, – приказал он совам.

Четыре посланца взяли тыкву и отправились в путь, неся юную девушку на своих плечах. Они взяли с собой также и сверкающий каменный нож, предназначенный для ее заклания.

И она сказала им:

– Нет, не может быть, чтобы вы убили меня, о вестники, ведь то, что я ношу в чреве своем, – это не от бесчестия, а оно зародилось, когда я пошла подивиться на голову Хун-Хун-Ахпу, ту, что в Пукбаль-Чах. Вот поэтому вы не должны приносить меня в жертву, о вестники! – сказала девушка, обращаясь к ним.

– Ачто мы положим вместо твоего сердца? Так приказал нам твой отец: «Принесите ее сердце; владыки будут вертеть его так и сяк; им будет любопытно смотреть на него; они будут смотреть все вместе, как оно будет гореть. Итак, принесите ее сердце в чаше возможно быстрее, ее сердце, лежащее на дне чаши». Может быть, он не говорил так нам? Но что

положим мы тогда в тыквенную чашу? Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла, – сказали посланцы.

– Хорошо, но мое сердце не принадлежит им. Ни дом ваш не должен находиться здесь, ни вы не должны быть принуждаемы ими силой, чтобы убивать людей. Наступит время, воистину, когда действительные распутники будут в ваших руках, а в моих руках Хун-Каме и Вукуб-Каме. Им должны принадлежать только кровь и только череп⁴⁰; вот что будет отдано им. Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними. Да будет так! Соберите то, что даст вам это дерево, – сказала девушка.

Красный сок, хлынувший из дерева, полился в чашу; и тотчас же он загустел и из него образовался комок; он блестел и имел форму сердца. Дерево дало сок, подобный крови, имевший вид настоящей крови. Тогда кровь, или лучше сказать кровь красного дерева, сгустилась и образовала очень широкий блестящий слой внутри чаши, подобный свернувшейся крови. Так это дерево стало прославленным из-за девушки; оно называлось раньше «красное дерево кошенили», но с той поры оно получило имя «дерево крови», потому что сок его называется кровью.

⁴⁰ В подлиннике непереводаемая игра слов: quic обозначает не только «кровь», но и мяч из каучука или в данном случае сгусток сока упомянутого ниже «дерева крови»; holotax означает не только «череп», но и листья этого же дерева. Иными словами, девушка намекает, что владыкам подземного царства, символом которых являются кровь и черепа, вместо ее сердца достанутся сок и листья «дерева крови».

– Вы будете теперь очень любимы, и все, что есть на земле, будет принадлежать вам, – сказала девушка совам.

– Хорошо, девушка. Итак, мы сейчас исполним приказанное нам, а затем укажем тебе дорогу туда, наверх, ты же продолжай свой путь как можно быстрее. Мы же пойдем и предъявим это изображение, эту замену вместо твоего сердца, владыкам, – сказали вестники.

Когда они появились перед владыками, все ожидали их с нетерпением.

– Кончили ли вы? – спросил Хун-Каме.

– Все кончено, владыки мои. Вот здесь, на дне чаши, находится ее сердце!

– Хорошо! Давайте посмотрим! – воскликнул Хун-Каме. И, схватив его кончиками своих пальцев, он поднял сердце; оболочка разорвалась, и заструилась блестящая кровь ярко-красного цвета.

– Разожгите огонь и положите его на уголья, – приказал Хун-Каме. Как только они бросили его на огонь, обитатели Шибальбы начали принюхиваться и пододвинулись ближе к нему. Им очень нравилось благоухание, исходящее от сердца.

А в то время, пока они сидели и пристально смотрели на огонь, совы скрылись и показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли. Совы же, указав ей путь, возвратились назад.

Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они

все были поражены слепотой.

Глава 4

И вот Хун-Бац и Хун-Чоуэн находились со своей матерью дома, когда туда пришла женщина, именовавшаяся Шкик.

Когда женщина Шкик появилась перед матерью Хун-Баца и Хун-Чоуэна, она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шбаланке, как они звались, должны были быть рождены. Когда женщина прибыла к старице, она сказала ей: «Я пришла, мать моя, я – твоя невестка и твоя дочь, о почтенная моя мать». Она сказала это, когда вошла в дом старицы.

– Откуда ты пришла? Где мои сыновья? Может быть, они не умерли в Шибальбе? Разве ты не видишь этих двух оставшихся, их порождение и их кровь, зовущихся Хун-Бацем и Хун-Чоуэном? И тем не менее ты приходишь? Иди отсюда! Прочь! – закричала старица на девушку.

– И все же то, что я говорю, – истина. Я – твоя невестка, и была таковой уже долгое время. Я принадлежу Хун-Хун-Ахпу. Они живы в том, что я ношу. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вовсе не мертвы; то, что они сейчас невидимы, – это великий их подвиг. А ты – моя свекровь. И ты скоро с любовью увидишь их образ в том, что я приношу тебе, – сказала она старице.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн рассердились. Они ничего не

делали, а только играли на флейте и пели, рисовали и занимались резьбой по камню в течение всего дня и были утешением для сердца старицы.

Тогда старица сказала:

– Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, – это плод твоего бесчестья. А потом, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы.

Неожиданно старица добавила:

– То, что говорю я тебе, – истина, но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала. Иди тогда принеси пищу для этих, они должны быть накормлены кукурузными лепешками. Иди и собери большую сеть, полную зерна, и возвратись сразу же, потому что ты – моя невестка, согласно тому, что я слышу, – сказала она девушке.

– Хорошо, – ответила девушка, и она сразу отправилась на кукурузное поле, которое было засеяно Хун-Бацем и Хун-Чоуэном. Дорога также была устроена и расчищена ими; девушка пошла по ней и так пришла на поле. Но она нашла там только один стебель кукурузы, не два или три. И когда она увидела только один стебель с одним лишь початком на нем, у девушки сжалось сердце.

– Ох, так я в самом деле грешница? Ох, несчастливая я! Откуда же я соберу полную сеть зерна, как мне было приказано ею? – воскликнула она.

Немедленно начала она молить Чахаля о пище, которую

она должна была собрать и принести назад.

– Штох, Шканиль, Шкакау⁴¹, вы, что готовите зерно, и ты, Чахаль, хранитель пищи Хун-Баца и Хун-Чоуэна! – воскликнула девушка. И затем она схватила нити, пучок нитей от початков и оторвала их, не повреждая початка. Затем она расположила эти нити в сети, и они превратились в початки кукурузы, и большая сеть была совершенно наполнена.

Девушка возвратилась немедленно; полевые животные шли рядом, неся сеть. Когда они прибыли, то поставили ношу в углу дома, как будто девушка смогла нести ее. Старица подошла и заглянула туда. Увидев большую сеть, наполненную едой, она воскликнула:

– Откуда ты взяла всю эту еду? Может быть, ты растащила все на нашем поле и принесла сюда всю нашу кукурузу?

– Пойду посмотрю сейчас же, – сказала старица и вышла на дорогу к кукурузному полю. Но единственный стебель кукурузы по-прежнему стоял там; отчетливо было видно и место, где находилась сеть у подножия стебля. Старица быстро возвратилась назад, вошла в свой дом и сказала девушке:

– Это достаточное доказательство, что ты действительно моя невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами, – сказала она девушке.

⁴¹ Штох – богиня дождя, Шканиль – богиня желтой кукурузы, Шкакау – богиня деревьев какао.

Глава 5

Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь мы расскажем об их рождении.

Когда наступил день их рождения, девушка по имени Шкик родила их, но старица не видела их в лицо, когда они были рождены. Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет.

Потом внесли их в дом, но они не хотели спать.

– Ступай выбрось их! – сказала старица. – Ибо поистине они кричат слишком много.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн вышли и положили их в муравейник. Там они мирно спали. Тогда они вынули новорожденных из муравейника и положили на чертополох.

То, чего желали Хун-Бац и Хун-Чоуэн, это чтобы Хун-Ахпу и Шбаланке умерли в муравейнике или умерли на чертополохе. Они желали этого из-за той ревности и зависти, которую Хун-Бац и Хун-Чоуэн чувствовали к ним.

Сначала они даже отказались принять своих младших братьев в дом; они не хотели признавать их, и поэтому они были воспитаны в лесной чаще.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн были великими музыкантами и певцами; они выросли среди испытаний и нужды, и у них было много горя, но они стали очень мудрыми. Они были флей-

тистами, певцами, художниками и резчиками по камню, все это они знали, как делать.

Они сознавали свое назначение, и они знали также, что они – преемники своих родителей, тех, кто отправился в Шибальбу. Они знали, что их отцы умерли там. Хун-Бац и Хун-Чоуэн были исполнены большого знания, и в своих сердцах они знали все относительно рождения их двух младших братьев. Тем не менее, будучи завистливыми, они не показывали своей мудрости, и их сердца были наполнены злыми желаниями против них, хотя Хун-Ахпу и Шбаланке не обидели их никаким образом.

Эти два последних ничего не делали в продолжение всего дня, кроме того что стреляли из выдувной трубки; их не любили ни их бабушка, ни Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Им не давали ничего есть; только тогда, когда еда была закончена и кончали есть Хун-Бац и Хун-Чоуэн, тогда приходили поесть младшие братья. Но они не оскорблялись за это и не приходили в гнев, а переносили все терпеливо, потому что они сознавали свое положение и понимали все совершенно ясно. Они приносили с собой птиц день за днем, когда приходили, а Хун-Бац и Хун-Чоуэн ели их, не уделяя никакой доли ни одному из них, ни Хун-Ахпу, ни Шбаланке.

Единственно, чем занимались Хун-Бац и Хун-Чоуэн, – это игрой на флейте и пением.

И вот однажды, когда Хун-Ахпу и Шбаланке пришли, не принеся на этот раз с собой ни одной птицы, то их бабушка

разозлилась, когда вошли они в дом.

– Почему на этот раз не принесли вы птиц? – спросила она Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили:

– Вот что случилось, бабушка. Птицы наши запутались на вершине дерева, а мы не смогли взобраться и достать их, дорогая бабушка. Если наши старшие братья так желают, то пусть пойдут вместе с нами и спустят птиц вниз, – сказали они.

– Хорошо, – отвечали старшие братья, – на заре мы пойдем с вами.

И когда они это говорили, они шли к своей гибели. Слепотой были поражены они оба на свою гибель, Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

– Мы хотим лишь изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание, за все страдания и мучения, которые они причинили нам. Они желали, чтобы мы умерли, чтобы мы были уничтожены, мы, их младшие братья. В своих сердцах они действительно считают, что мы созданы быть их служителями. Из-за этих причин мы должны одолеть их и дать им урок. – Так говорили друг другу Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда они направились к подножию дерева, называвшегося канте. Их сопровождали два их старших брата, когда они отправились в путь. Тут они начали охотиться своими выдувными трубками. Невозможно было сосчитать птиц, ще-

бетавших на дереве, и их старшие братья удивлялись, видя так много птиц. Застреленных птиц было много, но ни одна не упала к подножию дерева.

– Наши птицы не падают на землю. Идите и доставьте их вниз, – сказали Хун-Ахпу и Шбаланке своим старшим братьям.

– Хорошо, – ответили последние.

И тогда они тотчас вскарабкались на дерево, но дерево начало становиться все выше и выше, и ствол его увеличился. Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн захотели спуститься вниз, но не могли они уже больше спуститься с вершины дерева.

И тогда сказали они с вершины дерева:

– Что случилось с нами, о наши братья? О мы несчастные! Это дерево устрашает нас только при взгляде на него. О наши братья! – воскликнули они с вершины дерева.

А Хун-Ахпу и Шбаланке тогда ответили:

– Распустите ваши набедренные повязки, крепко привяжите их под вашим животом, оставив висящими длинные концы, и потяните их снизу. Таким образом вы легко сможете сойти вниз. – Так сказали им младшие братья.

– Да будет так! – ответили они, оттягивая концы своих поясов назад.

Но в то же мгновение эти концы превратились в хвосты, а они сами стали обезьянами. Тогда они начали скакать по ветвям деревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и ка-

чаясь на ветвях деревьев.

Таким способом Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке; и только из-за своего чародейства могли они совершить это.

После этого они возвратились в свой дом, и когда они пришли, они сказали своей бабушке и своей матери:

– Что это могло быть, о наша бабушка, что случилось с нашими старшими братьями, потому что их лица стали грубыми, а они сами неожиданно превратились в зверей? – Так говорили они.

– Если вы чем-нибудь повредили вашим старшим братьям, вы огорчили меня, вы наполнили меня печалью. Не делайте подобных вещей вашим братьям, о дети мои, – сказала старица Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили своей бабушке:

– Не огорчайся, о наша бабушка. Ты увидишь снова лица наших братьев. Они возвратятся, но это будет трудное испытание для тебя, бабушка. Будь осторожна и не смейся при взгляде на них. А теперь давайте испытаем их судьбу, – сказали они.

Немедленно братья начали играть на своих флейтах, наигрывая песню «Хун-Ахпу-Кой»⁴². Затем они пели, играя на флейте и барабане, схватив свои флейты и барабан. По-

⁴² «Обезьяны Хун-Ахпу». Танец под этим названием исполнялся в Гватемале еще в середине прошлого века: участники его, одетые в обезьяньи маски, сопровождали танец пением.

сле они уселись рядом со своей бабушкой и продолжали играть на флейте; они звали назад своих братьев музыкой и песней, произнося нараспев песню, называвшуюся «Хун-Ахпу-Кой».

Наконец появились Хун-Бац и Хун-Чоуэн и, подходя, начали танцевать; но когда старица взглянула и увидела их безобразные лица, то она стала смеяться. Старица не смогла удержать своего смеха, и они сразу удалились, так что не было больше видно их лиц.

– Ну, вот и все, бабушка! Они ушли в лес. Что ты сделала, наша прародительница? Мы можем сделать эту попытку только четыре раза, и осталось лишь три. Мы попытаемся снова позвать их сюда с помощью игры на флейте и песни, но ты постарайся удержать свой смех. Пусть еще раз начнется испытание! – сказали снова Хун-Ахпу и Шбаланке.

И тотчас начали они снова дуть во флейты, и снова Хун-Бац и Хун-Чоуэн возвратились; танцуя, они дошли до середины двора дома. Они гримасничали, возбуждая в их бабке такую веселость, что наконец она разразилась громким смехом. Они действительно были очень забавны с их обезьяньими лицами, их широкими животами, их узкими хвостами, судорожно двигавшимися, чтобы выразить их чувства. Все это заставляло старицу смеяться.

Тогда снова старшие братья ушли назад в горы. И сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

– А теперь что мы будем делать, о бабушка? Попробуем

еще раз. Это уже третий!

Они снова заиграли на флейте, и те обезьяны возвратились, танцуя. Теперь старица смогла удержать свой смех. Тогда они вскарабкались на главную балку – самое теплое место в доме; их глаза светились красным светом, они отворачивали прочь свои лица с широкими кривыми ртами и втянутыми губами. Они были очень взволнованы и пугали друг друга гримасами, которые они делали.

И когда старица увидела все это, она разразилась бурным хохотом. И они опять не увидели лиц старших братьев из-за смеха старой женщины.

– Только еще раз мы позовем их, бабушка, и они придут в четвертый раз, – сказали юноши.

Они начали снова играть на флейте, но их братья не возвратились в четвертый раз; наоборот, они убежали в лес так быстро, как только могли.

И тогда юноши сказали своей бабушке:

– Мы сделали все, что было возможно, о бабушка, они пришли один раз, затем мы пытались еще позвать их снова. Но не печалься! Вот мы здесь, мы твои внуки; ты должна смотреть на нас, о наша мать! О наша бабушка, мы здесь, чтобы напоминать тебе о наших старших братьях, тех, кого называли и кто имел имена Хун-Баца и Хун-Чоуэна, – сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Хун-Баца и Хун-Чоуэна призывали игроки на флейте и певцы в древние времена. Художники и мастера резьбы по

камню также призывали их в прошедшие дни. Но они были превращены в животных и стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев.

Таким путем были опозорены их души; такова была их потеря; таким путем Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены и превращены в животных. Они постоянно находились в своем доме, они были музыкантами и певцами и сотворили многое поистине великое, когда жили со своей бабушкой и своей матерью.

Глава 6

Тогда Хун-Ахпу и Шбаланке начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

— Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, — сказали они. — Не печалься, мы здесь, мы, твои внуки; мы займем место наших старших братьев, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь, неся каждый на плече свою выдувную трубку. Когда они выходили из дома, они попросили свою бабушку принести им еды.

— Приди точно в полдень и принеси нашу пищу, бабушка, — сказали они.

– Хорошо, внуки мои, – ответила им их бабушка.

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле. И когда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом братья вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было считать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно было и перечислить, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев.

Затем Хун-Ахпу и Шбаланке приказали птице, называемой Шмукур, горлинке, подняться и усесться на вершине высокого дерева, и Хун-Ахпу и Шбаланке сказали ей:

– Сторожи, когда наша бабушка придет с едой для нас, и как только она пойдет, начинай сразу ворковать, а мы схватим мотыгу и топор.

– Хорошо! – ответила горlinka. А они хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось.

Немного позже горlinka, как ей было приказано, заворковала, и братья быстро побежали и схватили один – мотыгу, а другой – топор. Они накрыли свои головы; один из них

намеренно загрязнил свои руки землей и тем же самым образом вымазал свое лицо, чтобы выглядеть, как настоящий земледелец, а другой нарочно набросал деревянных щепок на голову, как будто бы он в действительности срубал деревья.

Так их и увидела их бабка. Они сразу же поели, хотя в действительности они не работали в поле и получили пищу, не заслужив ее. Через некоторое время они вернулись домой.

– Мы поистине очень устали, бабушка, – сказали они, возвратившись, и протянули свои руки и ноги перед ее глазами, но без всяких оснований.

Братья возвратились на следующий день и, придя на поле, увидели, что все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались. Вот что увидели Хун-Ахпу и Шбаланке, когда пришли.

– Кто это сыграл с нами такую шутку? – сказали они.

А совершили это все животные, большие и малые; они сделали это: пума, ягуар, олень, кролик, лисица, койот, дикий кабан, коати, малые птицы и большие птицы – они, вот кто, совершили все это, иза одну только ночь.

И вот Хун-Ахпу и Шбаланке начали снова готовить поле для кукурузы и почву и срубать деревья. Они советовались друг с другом, в то время как рубка деревьев и расчистка кустарника шла сама собой.

– Теперь мы прежде всего будем сторожить наше поле, –

сказали они друг другу, когда советовались, — может быть, мы сможем захватить тех, кто придет сюда творить все эти разрушения.

Потом они возвратились домой.

— Кто же видел что-нибудь подобное, бабушка? Они зло подшутили над нами. Наше поле, обработанное нами, они превратили в кусок земли, покрытый густыми зарослями и толстыми деревьями. Вот что мы нашли, когда пришли туда немного раньше, бабушка, — сказали они ей и своей матери. — Но мы возвратимся туда и будем сторожить всю ночь, потому что несправедливо, что они совершают против нас такие деяния, — добавили братья.

Затем они вооружились и снова возвратились на свое поле, к срубленным деревьям, и втихомолку спрятались там, прикрытые темнотой.

Тогда все животные собрались снова, пришли представители каждого рода, все большие и малые животные собрались вместе. Сердце ночи было спокойно, когда они пришли все, говоря между собой, и вот каковы были их слова:

— Поднимитесь, деревья! Поднимитесь, лианы.

Так говорили они, подходя и собираясь под деревьями и лианами. Наконец они приблизились и появились перед глазами Хун-Ахпу и Шбаланке.

Пума и ягуар были первыми, и Хун-Ахпу и Шбаланке жаждали схватить их, но животные не дались. Затем приблизились олень и кролик, но единственные части их, которые

братья могли схватить, были их хвосты, их-то они и вырвали. Хвост оленя и хвост кролика остались в их руках, и поэтому с тех пор у оленя и кролика такие короткие хвосты.

Ни лисица, ни койот, ни дикий кабан, ни коати не попали в их руки. Все животные прошли перед Хун-Ахпу и Шбаланке, и сердца братьев были полны гнева из-за того, что не смогли поймать их.

Но наконец появился еще один зверь, отставший от других, и прибежал он, шмыгая то в одну, то в другую сторону. Они мгновенно преградили ему путь и, накинув на него ткань, схватили; это оказалась мышь. Поймав ее, они повернули ей голову назад и попытались задушить ее. Они опалили ей хвост на огне, и с тех пор хвост у мыши, ее хвост всегда безволосый. И глаза у нее всегда выпучены, потому что юноши, Хун-Ахпу и Шбаланке, пытались ее задушить.

Мышь сказала: «Я не должна умереть от ваших рук. И не ваше это дело – возделывать кукурузные посевы».

– Что ты там такое рассказываешь теперь нам? – спросили юноши мышь.

– Освободите меня немножко, потому что у меня внутри есть кое-что, что желаю сказать вам, и я скажу вам это немедленно, но сперва дайте мне что-нибудь поесть, – промолвила мышь.

– Мы дадим тебе пищу потом, – ответили братья, – сперва скажи!

– Хорошо! Узнайте же тогда, что собственность ваших ро-

дителей – Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, как назывались они, тех, кто умерли в Шибальбе, – принадлежащие им вещи для игры в мяч сохранились и висят под крышей дома: их кольца, перчатки и каучуковый мяч. Тем не менее ваша бабушка не хотела показывать их вам, потому что эти вещи были причиной, из-за которой умерли ваши родители.

– Ты уверена в этом? – спросили юноши мышь. А сердца их были очень счастливы, услышав о каучуковом мяче. И так как мышь им все теперь рассказала, то они показали ей, что будет ее пищей.

– Вот что будет твоей пищей: кукурузные зерна, белый перец, бобы, паташте⁴³ и какао, – все это принадлежит тебе, и если что-либо будет запасено и позабыто, это также будет твоим. Ешь это! – так было сказано мыши Хун-Ахпу и Шбаланке.

– Хорошо, о юноши, – ответила она, – но что будет сказано вашей бабушке, если она увидит меня?

– Не беспокойся, потому что мы здесь и мы подумаем, мы найдем, что сказать нашей бабушке. Идем же! Мы быстро посадим тебя в этом углу дома, а ты сразу же поднимайся туда, где висят эти вещи. Мы же посмотрим на жерди крыши и уделим внимание нашей пище, – сказали они мыши.

И условившись таким образом, после разговора друг с другом в течение ночи, Хун-Ахпу и Шбаланке прибыли до-

⁴³ Паташте – современное название (заимствованное из индейского языка на-уатль) одного из видов какао.

мой точно к полуденному часу. Когда они пришли, то принесли с собой мышь, но никому не показали ее. Один из них прямо прошел в дом, а другой подошел к кровле, и там мышь быстро вскарабкалась наверх.

Тотчас же они попросили у своей бабушки свой обед. «Прежде всего приготовь нам в чаше еду, мы хотим перцовой подливки, бабушка», – сказали они. И тотчас же в чаше была приготовлена для них пища, и горшок с похлебкой был поставлен перед ними.

Но все это было только для того, чтобы обмануть бабушку и мать. Осушив кувшин с водой, они сказали:

– Мы поистине умираем от жажды; пойди и принеси нам пить, – сказали они своей бабушке.

– Хорошо! – сказала она и вышла.

Тогда братья начали есть, но в действительности они вовсе не были голодны; то, что они делали, была лишь хитрость. Они видели при помощи их перцовой подливки, как мышь быстро побежала к каучуковому мячу, подвешенному к стропилам крыши дома. Видя это в их перцовой подливке, они послали к реке комара с жалом, насекомое, называемое шан, которое подобно mosquito, и оно пришло туда и пробуравило бок у кувшина для воды, который унесла их бабушка. И хотя она пыталась остановить вытекавшую воду, она никак не могла заделать дыру в кувшине.

– Что там случилось с нашей бабушкой? Иди поскорее к реке, наши рты сухи от жажды, мы умираем от жажды, – ска-

зали они своей матери и послали ее принести воду. Немедленно мышь перегрызла веревку, державшую мяч, и он упал со стропил дома вместе с кольцами, перчатками и кожаными щитками. Юноши схватили их и, выйдя из дома, спрятали на дороге, ведущей к площадке для игры в мяч.

После этого они пошли на берег реки и присоединились к своей бабушке и своей матери, которые усердно старались заделать дыру в кувшине для воды. Тут прибыли они со своими выдувными трубками и, подойдя к реке, сказали:

– Что же вы делаете? Мы устали от ожидания и пришли сюда, – промолвили они.

– Посмотрите на дыру в моем кувшине, которую я не могу заткнуть, – сказала бабушка. Но они тотчас же заделали ее и вместе возвратились домой, идя перед своей бабушкой.

Таким образом был обнаружен каучуковый мяч.

Глава 7

Обрадованные юноши возвратились на площадку для игры в мяч; они принялись за игру и играли там долгое время одни. Они расчистили площадку, где играли их родители.

А владыки Шибальбы слышали их и сказали: «Кто это те, что снова начинают играть над нашими головами и тревожат нас производимым ими шумом? Может быть, не умерли Хуп-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвыситься себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда!»

Так сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им: «Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: „Пусть они придут“, – сказали владыки, – мы желаем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сегодняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы придете туда». Так сказали владыки. Таково было приказание, которое они отдали вестникам.

И они пошли туда по широкой дороге, проложенной юношами; она вела прямо к их дому.

Идя по ней, посланцы появились прямо перед бабушкой и матерью юношей. Они были заняты едою, когда прибыли посланцы из Шибальбы.

– Скажи им, чтобы они пришли, без обмана, так приказали владыки, – сказали вестники Шибальбы. И посланцы Шибальбы указали точный день прибытия: «В течение семи дней владыки будут ожидать их», – сказали они Шмукане.

– Хорошо, посланцы, они придут, как было приказано, – ответила старица. И посланцы отправились в обратный путь.

И тогда сердце старицы исполнилось беспокойства: «Кого же я пошлю позвать моих внуков? Разве не тем же самым образом явились в прошлый раз посланцы Шибальбы, когда они увели родителей юношей», – говорила старица и горько плакала, печальная и одинокая в своем доме.

И вдруг с ее одежды упала вошь. Она схватила ее и положила на ладонь своей руки. Вошь начала двигаться и быстро

поползла.

– Доченька моя, не хочешь ли ты, чтобы я послала тебя позвать моих внучат с площадки для игры в мяч, – сказала она вши. – «Исполнители приказаний, посланцы Шибальбы пришли к вашей бабушке и сказали ей: „Ты должна позаботиться, чтобы они пришли бы в течение семи дней, пусть придут они“, – вот что сказали посланцы Шибальбы. Это велела мне передать ваша бабушка», – так приказала она вши.

Вошь, послушная приказанию, отправилась тотчас же в путь. На дороге ей повстречался сидевший юноша по имени Тамасул, жаба.

– Куда это ты идешь? – спросила жаба вошь.

– Я несу в своем животе послание, я отправилась искать юношей, – отвечала вошь Тамасулу.

– Хорошо, но я вижу, что ты двигаешься недостаточно быстро, – возразила жаба вши, – ты не хочешь, чтобы я проглотила бы тебя? Ты увидишь, как я побегу, и таким образом мы быстро прибудем.

– Прекрасно! – ответила вошь жабе. Тотчас же жаба проглотила ее. И жаба путешествовала долгое время, но шла она без всякой спешки. Затем она встретила большую змею по имени Сакикас.

– Куда это ты идешь, юный Тамасул? – спросила Сакикас жабу.

– Я иду как посланец, у меня в животе послание, – отвечала жаба змее.

– Я вижу, что ты не можешь двигаться быстро. Может быть, я, я прибуду быстрее, – сказала змея жабе.

– Иди-ка сюда! – прибавила она.

И тотчас же Сакикас в свою очередь проглотила жабу. И с тех пор только это является пищей змей, которые и теперь глотают жаб.

Змея быстро отправилась вперед, но встретила сокола Вака, большую птицу. Сокол в свою очередь мгновенно проглотил змею. Вскоре после этого он появился на стене площадки для игры в мяч. С этого времени вот что стало пищей соколов, пожирающих в горах змей.

Прилетев, сокол уселся на карниз стены здания, в котором забавлялись, играя в мяч, Хун-Ахпу и Шбаланке. Усевшись, сокол начал кричать: «Вак-ко! Вак-ко!», что обозначало: «Вак здесь! Вак здесь!»

– Кто это там кричит? Давайте-ка сюда наши выдувные трубки! – воскликнули юноши. Они выстрелили в сокола и попали шариком из выдувной трубки в зрачок глаза. Сокол кругами спустился на землю. Они подбежали, быстро схватили его и спросили: «Что ты пришел сюда делать?». Так спросили они сокола.

– Я принес в своем животе послание, – отвечал сокол, – сперва излечите мой глаз, а потом я вам расскажу.

– Прекрасно! – сказали юноши и, взяв кусочек от каучукового мяча, с помощью которого они играли, они приложили его к лицу сокола. «Лоцкик» назвали они это средство, и

мгновенно он выздоровел, сразу же глаз сокола был исцелен полностью.

– Говори теперь! – сказали они соколу. И он немедленно изрыгнул большую змею.

– Говори ты! – сказали они змее.

– Хорошо! – сказала змея и в свою очередь изрыгнула жабу.

– Где же послание, что ты принесла? Говори! – приказали юноши жабе.

– Здесь, в моем животе, находится послание, – отвечала жаба.

И немедленно она попыталась, но не могла ничего изрыгнуть; рот ее был наполнен слюной, но ничего из ее рта не вышло. Тогда юноши захотели ее побить.

– Ты обманщица! – сказали они.

Они ударили ее ногою в крестец, и кости ее бедер поднялись вверх. Она попыталась снова, но из ее рта снова потекла только лишь слюна. Тогда юноши открыли руками рот жабы и, когда он открылся, заглянули внутрь его. Вошь застряла в зубах жабы; она осталась в ее рту и не была проглочена, а только казалась проглоченной. Так была искалечена жаба, и пища, предназначенная ей, неизвестна. Она не может бегать и стала с тех пор пищей змей.

– Говори, – приказали они вши, и тогда она передала свое послание. «Ваша бабушка сказала мне, о юноши, – иди позови их сюда; прибыли исполнители приказаний, посланцы Хун-

Каме и Вукуба-Каме пришли сказать им, чтобы они отправились в Шибальбу. Посланцы говорили: они должны явиться туда в течение семи дней, чтобы играть в мяч с нами; они также должны принести свои принадлежности для игры: мяч, кольца, перчатки и кожаные наколенники, чтобы могли забавляться здесь! – сказали владыки. Они, посланцы, действительно приходили, – сказала ваша бабушка. Вот почему я нахожусь здесь. Поистине, ваша бабушка сказала это, и она плачет и скорбит, по этой причине я и пришла сюда».

– Неужели это правда? – спросили юноши друг у друга, когда они слышали это.

Быстро они побежали домой и добрались к своей бабушке, но они пришли, только чтобы попрощаться с ней.

– Мы должны отправиться в путь, бабушка, мы пришли только попрощаться с тобой. Но мы оставляем здесь знак о нашей судьбе: каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком нашей смерти. «Они мертвы!» – скажешь ты, если он начнет засыхать. Но если он начнет пускать свежие ростки снова, – «они живы!» – скажешь ты, о наша бабушка. И ты, мама, не плачь, потому что мы оставляем знак о нашей судьбе. – Так говорили они бабушке и матери.

И перед отправлением Хун-Ахпу посадил один тростник, а Шбаланке посадил другой; они посадили их в доме, а не в поле; они посадили их не во влажную почву, а в сухую землю; они посадили тростники в середине их дома и затем остави-

ли их.

Глава 8

После этого братья отправились в путь, неся каждый свою выдувную трубку, и стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий. Они прошли среди неких птиц, иэти птицы назывались Молай.

Затем они перешли через реку гноя и через реку крови, где они должны были быть уничтожены – так думали люди Шибальбы, – но они не коснулись ее своими ногами; вместо этого они пересекли ее на своих выдувных трубках.

Они вышли оттуда и пришли к перекрестку четырех дорог. Они прекрасно знали, какие дороги ведут к Шибальбе: черная дорога, белая дорога, красная дорога и зеленая дорога. Там же они призвали к себе насекомое, москита по имени Шан. Он должен был идти и собрать те сведения, которых они хотели.

– Ужаль их одного за другим; сперва ужаль сидящего на первом месте, затем ужаль всех их, так как это будет твоим уделом: сосать кровь людей на дорогах, – так было приказано москиту.

– Прекрасно! – ответил москит.

И немедленно он полетел по черной дороге и наткнулся прямо на вырезанных из дерева людей, сидевших первыми и

покрытых украшениями. Он ужалил первого, но он не сказал ничего, он ужалил второго сидевшего, но тот также ничего не сказал.

После этого он ужалил третьего, а сидевший третьим был Хун-Каме.

– Ой! – воскликнул он, когда его ужалили. – Ох! – сказал Хун-Каме.

– Что это, Хун-Каме? Кто это тебя ужалил? Не знаешь ли ты, кто тебя ужалил? Ох! – воскликнул четвертый из сидевших владык.

– В чем дело, Вукуб-Каме? Что тебя ужалило? – спросил в свою очередь пятый из сидевших.

– Ох! Ой! – воскликнул затем Шикирипат. И Вукуб-Каме спросил его:

– Что ужалило тебя?

И когда был укушен сидевший на шестом месте, он закричал: «Ой!»

– Что это, Кучумакик? – спросил Шикирипат. – Что тебя ужалило?

А когда был ужален седьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!»

– В чем дело, Ах-Альпух? – спросил Кучумакик. – Что тебя ужалило?

И когда был ужален восьмой из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

– В чем дело, Ах-Алькана? – спросил Ах-Альпух. – Что

ужалило тебя?

И когда был ужален девятый из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

– Что это, Чамиабак? – спросил Ах-Алькана. – Что тебя ужалило?

И когда десятый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

– В чем дело, Чамиахолом? – спросил Чамиабак. – Что тебя ужалило?

И когда одиннадцатый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

– Что случилось? – спросил Чамиахолом. – Что укусило тебя?

И когда двенадцатый из сидевших был ужален, он воскликнул: «Увы!»

– Что это, Патан? – спросили они. – Что тебя укусило?

И тринадцатый из сидевших воскликнул: «Увы!» – почувствовав, что он ужален.

– В чем дело, Кикшик? – спросил Патан. – Что тебя укусило?

И в этот момент четырнадцатый из сидевших воскликнул, почувствовав, что он ужален: «Увы!»

– Что укусило тебя, Кикришкак? – спросил Кикре⁴⁴.

⁴⁴ Перечисленные здесь имена владык Шибальбы несколько отличаются от упомянутых в первой главе этой же части. Новыми лицами являются Кикшик «Кровавое крыло», Кикришкак «Кровавый коготь» и Кикре «Зубы, покрытые кровью». Причина появления новых владык в Шибальбе в тексте «Пополь-Вух» не

Таким образом они называли свои имена, когда они все говорили их один другому. Так они выявили себя, говоря свои имена, называя каждого из владык, одного за другим. И этим способом каждый из сидевших на своем месте сказал имя своего соседа.

Ни одно из этих имен не было упущено. Все сказали свои имена, когда Хун-Ахпу вырвал волосок со своей ноги, ужаливший их всех. Потому что в действительности не москит жалил их; он отправился, чтобы подслушать для Хун-Ахпу и Шбаланке имена всех их.

Юноши же, продолжая свой путь, прибыли наконец туда, где находились обитатели Шибальбы.

– Приветствуйте владыку, того, кто сидит там! – было сказано им, чтобы обмануть их.

– Это не владыка. Это не более чем вырезанное из дерева чучело, – сказали они и подошли ближе. И немедленно юноши начали почтительно приветствовать их: – Привет тебе, Хун-Каме! Привет тебе, Вукуб-Каме! Привет тебе, Шикирипат! Привет тебе, Кучумакик! Привет тебе, Ах-Альпух! Привет тебе, Ах-Алькана! Привет тебе, Чамиабак! Привет тебе, Чамиахолом! Привет тебе, Кикшик! Привет тебе, Патан! Привет тебе, Кикре! Привет тебе, Кикришкак! – говорили они, проходя перед ними. И, смотря в их лица, они говорили имена всех, не упустив ни одного-единственного имени

упоминается. Возможно, что в этом месте мы имеем следы какой-то иной версии мифа.

ИЗ НИХ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.